ISSN № 1727-4893

Библиотечное дѣло

www.bibliograf.ru

№ 20 (302) '17

Эпос и топос школьной повести

МАРИЯ ЧЕРНЯК
ШКОЛА ПОД ВЫСОКИМ НАПРЯЖЕНИЕМ
К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА «ШКОЛЬНОЙ ПОВЕСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 2

МАРИНА ИВАШИНА
ОБ «ЭФФЕКТЕ ВАРЁНОЙ ЛЯГУШКИ» И ШКОЛЬНОМ ЧТЕНИИ
СОЗДАТЬ ОБРАЗ БУДУЩЕГО 8

ТАМАРА ГАББЕ
О ШКОЛЬНОЙ ПОВЕСТИ И О ЕЁ ЧИТАТЕЛЕ
ПРЕДЧУВСТВИЕ ЧУВСТВ 13

ИРИНА ТИХОМИРОВА
СОВЕТСКАЯ ШКОЛА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
И В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВОПРОСОВ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ 19

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН
ВЛАСТИТЕЛЬНИЦА ДУМ ЮНОГО ПОКОЛЕНИЯ
ЖИЗНЬ И КНИГИ ЛИДИИ ЧАРСКОЙ 24

МИХАИЛ ПАВЛОВЕЦ
ЧТО ЧИТАЛИ СОВЕТСКИЕ ШКОЛЬНИКИ
КАК ПРОВОДИЛИ УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАШИ РОДИТЕЛИ, БАБУШКИ И ДЕДУШКИ, КАКИЕ КНИГИ ИХ ЗАСТАВЛЯЛИ ЧИТАТЬ – И ЗАЧЕМ ЭТО БЫЛО НУЖНО 27

ЛЮДМИЛА ИНЬКОВА
ЧЕЛОВЕК НА СВОЁМ МЕСТЕ
ПОЛВЕКА СЛУЖЕНИЯ КНИГЕ 36

МАРИЯ ТКАЧЕНКО
КОЛЫБЕЛИ НАУК: СТАРОПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ В ФОНДЕ РЕДКИХ КНИГ
И РУКОПИСЕЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ПГУПС 38

АНАСТАСИЯ ЖАРИКОВА
ПОВЕРХНОСТНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ
ЧТЕНИЕ БЕЗ РАЗУМЕНИЯ 42

Библиотечное ДЕЛО

20 (302) *2017

Издатель: Член РБА
ООО "Агентство Информ-Планета"
Главный редактор
Татьяна Филиппова
Директор
Мария Ковалёва
Выпускающий редактор
Мария Фармаковская
Литературный редактор
Яна Михневич
Дизайн и вёрстка
Андрей Филиппов
Представительство в Москве
Ответственный редактор
Слава Матлина

Подписка:
по Каталогу Роспечати
индекс 81774,
по Каталогу Почта России
индекс 63482

Для писем: *191119, СПб., а/я 133*
Тел./факс: *(812) 575–5777, 764–1580*
Тел.: *(499) 163–4942.*
E-mail: ***bibliograf@inbox.ru***
matlina@mail.ru
www.bibliograf.ru
bibliograf.ru
@BibliografRu
bibliograf_ru

www.vipishi.ru — подпишись сейчас!
интернет-подписка
на газеты и журналы через МАП

Издание зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещанию и средствам массовой коммуникации ПИ №77-13082 от 15. 07 2002
Учредитель: Татьяна Филиппова

ISSN № 1727–4893

Мнение редакции по тем или иным вопросам может не совпадать с мнениями авторов.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов.
Никакая часть данного издания не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без разрешения редакции.

Адрес редакции и издательства:
191040, СПб, Лиговский пр., д. 52, лит. «К», оф. 12.

Отпечатано в типографии: Политехника. СПб, Измайловский пр. 20. *Тираж 3500 экз.*
На обложке: *Владимир Серов, Домашняя работа, 1956 г.*

© «Библиотечное Дело», 2017

Цена свободная
Подписано в печать 31.10.17

12+

В будущее возьмут не всех?

Здравствуй, племя младое, незнакомое
А. С. Пушкин

НЕОЖИДАННО ОКАЗАЛОСЬ, что, кроме мальчиков и девочек, чинно сидящих в библиотеках за чтением книг, выступающих с трибун всевозможных форумов и патриотических слётов, появилось поколение «несогласных», которых «проглядели» бдительные взрослые. Для начала их презрительно обозвали «школотой», а потом стали думать, что с ними делать.

Первая реакция была, разумеется, — запретить. В МВД решили, что нужно законодательно закрепить ответственность родителей и учителей, дети и ученики которых принимают участие в акциях протеста. Крутой чиновник этого ведомства встревожился: «*Важная проблема — участие молодёжи в несогласованных уличных акциях. Процент молодых людей, участвующих в несанкционированных протестных мероприятиях, растёт. Уменьшение среднего возраста участников таких акций настораживает*».

Второй мерой, призванной обуздать строптивцев, была — запугать. Сначала появились автозаки, а за ними последовали «воспитательные меры» В Хабаровске директор лицея Ольга Кодина решила выгнать из школы 15-летнего Тимура Валиуллина из-за того, что ученик принимал участие в работе городского штаба оппозиционного политика Алексея Навального. И это уже не первый подобный инцидент. Учитель говорит Тимуру: «*если ты за Навального — ты враг нашей родины*». А он — не враг, он добра хочет, обновления, хочет гордиться своей страной. Главной угрозой в таких «воспитательных акциях» стала попытка лишить ребят будущего: «ты ломаешь себе судьбу» «ты попадёшь в чёрный список», «ты не сможешь никуда поступить» и т. д.

Этим доморощенным воспитателям не удалось понять, что парадигма их молодости «Сиди и не высовывайся. Ты меньше системы» сегодня уже не работает. Современный подросток не верит тезисам, что «миф важнее факта», а «патриотизм важнее знаний». Он видит ложь, лицемерие и двоемыслие. Цинизм взрослых калечит подростка — в библиотеке ему могут не выдать книгу Драйзера, а дома по телевизору он созерцают культ насилия, грубой силы и жестокости. Библиотекари вынуждены маркировать детские книжки, еженедельно проверять списки «литературы экстремистского характера», уничтожать книги со штампом «Открытого общества». Лицемерная забота государства о «психическом здоровье ребёнка» вступает в жёсткое противоречие с реалиями «взрослого мира».

Пожилые тёти и дяди, с кристальным и правильным прошлым задумали поместить его под стерильный колпак, где нет «горестей и злости», где есть счастливое советской детство с вкусным мороженым и газировкой, где не надо думать, а тупо верить. То есть вернуться к диктату идеологического прессинга, который поможет воспитать из подростков «настоящих патриотов».

Дмитрий Быков сказал: «*То, что выросло поколение небезразличных школьников, которые хотят делать свою жизнь, которые идут активно в политику, вообще выходят на улицу, потому что не хотят мириться с тем, что уже давно накрыло родителей, — это такой знак эпохи, да, поэтому дети будут политизироваться неизбежно. Это один из вызовов нашего времени, с которым приходится мириться. Дети выросли умные. Это, по-моему, совершенно очевидно. И с этими умными детьми придётся как-то жить. А разговоры: "Ах, вот вы ребёнка тянете в политику!"…*»

Как жаль, что забываются уроки таких идеологических проработок, которым подверглись герои повести Бориса Васильева «Завтра была война».

С любовью, Татьяна Филиппова,
главный редактор журнала «Библиотечное Дело»

МАРИЯ ЧЕРНЯК

Школа под высоким напряжением

К вопросу о трансформации жанра «школьной повести» в современной литературе

Школа — больной вопрос для всего общества, центр притяжения сил и эмоций, она как особый социальный феномен объединяет и разъединяет общество одновременно.

Мария Александровна Черняк, профессор кафедры русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, Санкт-Петербург

В СЛУЧАЕ СО ШКОЛОЙ силен эффект узнавания, сопереживания, личной памяти, наличия у каждого собственного мнения — «ведь и я через это прошёл». Психологически точно и абсолютно узнаваемо описывает это «всеобщее знание» Е. Гришковец в монодраме «Как я съел собаку»: *«Я не могу смотреть, как ведут в школу 1 сентября первоклассников. Это просто ужасное зрелище. <…> Нарядная мама ведёт чистенького, в новом костюмчике, ещё не школьника, ещё... маленького такого мальчика. <…> Вот приводят его к школе, там много людей, первый звонок. И там его оставляют.... <…> А потом мальчик приходит из школы... такой странный.... Родители спрашивают: "Ну как?" А чего "как"? <…> Да точно так же! в* ***точности. Вы же там сами были****».*

Школа — чуть ли не самое массовое социальное учреждение. Вполне закономерно то, что все особенности нашего социума и нашего «ксерокса культуры» (по определению Ж. Бодийара) могут сканироваться через образ Школы и образ Учителя, причём сканироваться с помощью широкого использования инструментария массовой культуры. *«Кризис педагогической метафизики оказывается вполне совпадающим с тем, что происходит в области культуры и гуманитарного знания ("кризис философии", "кризис истории", "смерть автора", "смерть человека" и т. п.). Под вопросом оказывается также ценность традиции: в ситуации преемственности и традиции ценности были устойчивыми константами и ориентирами социализации, но в ситуации дискретности и фрагментарности более значимыми оказываются локальные жизненно-образовательные ориентиры»*, — справедливо полагает А. Грякалов[2].

Дмитрий Быков в сборнике «Школа жЫзни: честная книга (любовь-друзья-учителя-жесть)» попытался объединить это «народное», почти фольклорное знание о школе. Быков как составитель

о задаче сборника писал так: *«Я отлично помню свой школьный опыт: он был отвратителен, поскольку двойная мораль уже свирепствовала и травля, столь ярко и страшно показанная Железниковым и Быковым в "Чучеле", была уделом всех думающих детей. Однако, помимо этой травли, оказавшейся весьма полезным опытом для постсоветского будущего, советская школа могла предложить много интересно-*

го — не зря тут существовал настоящий культ учителя. <…> Тогдашние подростки были очень серьёзными и взрослыми, интеллектуально они были богаче и самодостаточнее сегодняшних старшеклассников <…>. Я думаю, тогдашнее поколение — равно как и школьники девяностых — многого о себе недоговорило и не поняло. Нам нужно составить хронику тех лет, потому что, кроме нас, это сделать некому. Трагедию исчезновения СССР лучше всех поняли подростки, потому что их жизнь переломилась. Сборник воспоминаний "Детство 45–53" о послевоенных школьниках, составленный Людмилой Улицкой, стал бестселлером, но коллизии нашего отрочества были ничуть не менее драматичны. Лучший способ разобраться в себе нынешних — это вспомнить себя тогдашних. Мы как раз входим в тот возраст, когда события двадцати-тридцатилетней давности помнятся нам лучше вчерашних. Лично для меня попытка реконструкции тех времен довольно мучительна, но и мне есть за что поблагодарить их (времена). Надеюсь, все вместе мы составили книгу, из которой будет понятно, почему наша генерация почти всё сдала и всё-таки удержалась на краю пропасти».

«Школа жизни» в попытке реконструировать школьные годы 1960–90-х гг. стала сплавом нескольких жанров: школьной повести, репортажа с места событий, документа, байки и т. д. В сборнике представлены воспоминания двух типов — это воспоминания, часто анекдотические, о конкретных ярких школьных сюжетах («Нельзя! Ни по-русски, ни по-английски» М. Уваровой; «Первый раз…» П. Кобинца; «Герасим» И. Иаховидович; «Загубленный талант, или о вреде куреня» В. Неробеева и др.). И второй тип текстов — это более общие воспоминания-размышления об одноклассниках, учителях, об образовании в стране. Это тексты Л. Россомахиной «Драгоценная память», Л. Труновой «Девятка», Н. Соколовской «Война и мир на звезде КЭЦ», И. Озёровой «Нас готовили стать элитой Москвы» и др.

Сборник Быкова подтвердил, что жанр школьной повести переживает сложные времена. На фразу ученика, героя нашумевшего сериала В. Гай-Германики «Школа»: *«Но я ведь личность»*, — пожилой учитель отвечает: *«Ну, положим, личность я в последний раз видел году так в 1980-м»*. В этом диалоге — предельно точно звучит острота проблемы, непримиримый конфликт поколений, результатом которого является ситуация тотального непонимания и немотивированной жестокости. Вполне закономерно, что адекватное и правдивое изображение сегодняшней школы практически невозможно: ведь то, что вспоминают люди с советским опытом о собственном отрочестве современным молодым читателям непонятно, — повседневность, язык, темп и восприятие времени, ценности за последние двадцать-тридцать лет изменились неузнаваемо; подросток 1970-х и подросток «нулевых» годов XXI века — это совершенно разные люди. Стоит согласиться с мнением философа А. Грякалова: *«Детство — всегда настоящее. В этом смысле детство одного поколения так же уникально и не воспроизводимо как и индивидуальное существование одного ребёнка. Прошлое влияет опытом традиции и инерции, будущее воздействует как проект, но осуществляется детство всегда именно как настоящее»*[3].

Утеря литературоцентризма в обществе, отказ от учительной миссии литературы, закономерно привёл к тому, что Учитель перестал быть героем литературы. В знаковых произведениях 1970–80 гг. о школе и учителях (А. Лиханов «Благие намерения», А. Алексин «Безумная Евдокия», В. Тендряков «Ночь после выпуска», В. Распутин «Уроки французского» и др.) общие стандарты отношения общества к школе преломлялись сквозь призму индивидуальных особенностей и личных качеств учителей. Сегодня на месте подобной литературы — зияющая пустота. Хотя востребованность подобных текстов очевидна и для писателей, и для читателей, и для издателей. В самом начале 1990-х гг. герой повести А. Варламова «Здравствуй, князь!», выпускник филфака МГУ, Саввушка, вдоволь намотавшись в столице времён «перестройки», постучался в двери обычной школы в родном захолустье и спросил, не нужны ли там учителя. *«Это был, пожалуй, один из самых внятных, хотя и спорных, ответов тогдашней словесности на вопрос о том, что делать в смутной новой действительности, если у тебя, как на грех, есть не только образование и мозги, но и совесть»*[4], — справедливо полагает критик О. Лебедушкина.

В 1973 появляется в печати один из лучших рассказов Распутина «**Уроки французского**», посвященный Анастасии Прокопьевне Копыловой, матери драматурга А.Вампилова. Маленький герой рассказа — 11-летний мальчик сталкивается с жестокой нуждой, испытывая тягостные муки голода. Находясь на грани отчаяния, он в одиночку борется за свое существование, не принимая милостыни и помощи от окружающих. Лишь молоденькой учительнице удалось обмануть его бдительность, проигрывая ему небольшие деньги в азартные и запрещенные в послевоенной школе игры.

Приметы жанра

Модель мира школьной повести — это мир школьной действительности, «сокращённая вселенная» школьной жизни, в которой школа является центром и содержательной основой. Всё строится вокруг школьной жизни: школа является и местом действия, и важнейшим этапом в жизни героя, проходя через который он взрослеет. Момент взросления, переход из состояния неведения, наивности, неспособности, неправоты, незнания, непонимания, к состоянию ответа на все вопросы, приобретению опыта или жизненного урока, что и является взрослением заложен в семантике жанра школьной повести.

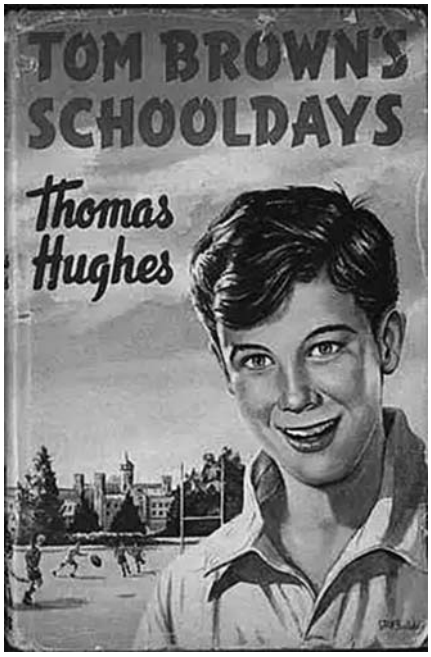
Характерная черта школьной повести — это множество героев. Школьная повесть имеет свою типологию героев, которая разделяет всех героев повестей на три группы: ученики; педагогический коллектив (учителя, директор, завуч и т. д.); родители. Возникают практически фольклорные типы: отличник и двоечник; лидер и загнанный; неудачник и везунчик; зубрила и хулиган; первая красавица класса и дурнушка; предатель; любимчик учителя; герой и др.

Процесс становления жанра школьной повести в русской литературе был достаточно долгим и за всю историю своего формирования подвергался множеству изменений в период от XVIII до XXI века. За всё время существования школьной темы в русской литературе она прошла через множество жанровых образований: это и биографическая проза, роман воспитания, автобиографические повести, сентиментальный роман, школьная повесть, психологическая проза, рассказы и зарисовки ▷

школьной жизни начала 2000 годов и т. д.

Жанр школьной повести — это явление более характерное для советской детской литературы, но, безусловно, черты его начали формироваться гораздо раньше. Так, М. М. Бахтин писал, что одно из основных свойств жанра — способность к обновлению: *«Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы, в каждом индивидуальном произведении данного жанра. <…>Жанр живёт настоящим, но он всегда помнит своё прошлое, своё начало. <…> Вот почему для правильного понимания жанра и необходимо подняться к его истокам»*[5].

Произведения о школе вошли в круг чтения русского читателя изначально в качестве переводных зарубежных книг. Истоки жанра уходят ещё в восемнадцатый век, когда впервые стали появляться произведения, рассказывающие о школьной жизни. Но жанровые признаки начали формироваться лишь к середине девятнадцатого века — преимущественно в Великобритании и Германии. Первой книгой, которая дала толчок к появлению произведений о школе, исследователи считают опубликованные в 1857 г. «Школьные дни Тома Брауна» Томаса Хьюза. В викторианской Британии эта книга стала первым образцом популярнейшего в дальнейшем жанра «школьного романа» (англ. School story)[6]. В России книга была издана в 1899 г. под названием



«Школьные годы Тома Брауна, описанные престарелым питомцем Ругби».

Истоки русской школьной повести выходят из жанра романа воспитания, родоначальником которого считается И. В. Гёте и его роман «Годы учения Вильгельма Мейстера». Традиции романа воспитания активно использовали русские писатели XIX века (А. И. Гончаров «Обыкновенная история»; Ф. М. Достоевский «Подросток»; Л. Н. Толстой «Детство», «Отрочество», «Юность»; А. П. Чехов «Учитель словесности» и др.).

Несомненно, важное место в формировании черт русской школьной повести в детской и юношеской литературе занимают книги Л. Чарской, рассказывающие об институтской жизни девочек конца XIX–начала XX века. В начале XX в. книги Лидии Чарской пользовались удивительной популярностью, несмотря на скептическое отношение к ним критиков.

Если в дореволюционных произведениях школа практически всегда противопоставлялась дому, то в текстах 1920-х гг. (Педагогическая поэма» А. С. Макаренко, «Республика ШКИД» Г. Г. Белых и Л. Пантелеева, «Школа» А. Гайдара и др.) школа начинает выполнять функции дома, становится важным местом в жизни ребёнка.

В жанровой системе детской литературы «школьная повесть» стала занимать прочное место в конце 1950-х годов. Именно в этот период определяются тематические составляющие жанра. Были обозначены следующие школьные категории: учитель, ученики, воспитательный процесс и др. Сложились специфические черты школы, характеризующие жанр «школьной повести» и его свойства. Основной темой школьной повести 1930-х–начала 50-х гг. является перевоспитание, хулигана в достойного человека, двоечника в хорошего ученика. Повестей, ставших классикой детской литературы, этого времени не так много. Можно вспомнить Е. Шварца «Сказка о потерянном времени» и Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома».

Ярким периодом формирования и становления школьной повести стали 1960–70-е годы. в это время писатели, многие из которых были «сосланы» в детскую литературу цензурой, стали использовать школьную повесть как возможность обозначить острые проблемы времени. Впервые поднимались социальные вопросы, описывались проблемы образования, реальные школьные проблемы, говорилось о чувствах подростков. В этот период были созданы многие школьные повести, вошедшие в классику детской литературы (повести А. Г. Алексина, киноповесть Г. Полонского «Доживём до понедельника», повести В. Железникова «Жизнь и приключения чудака», «Чучело», В. Тендрякова «Ночь после выпуска», С. А. Иванова «В бесконечном лесу и другие истории о 6 “В”», Г. Щербаковой «Вам и не снилось», М. Львовского «В моей смерти прошу винить Клаву К.» и др.). Школьная повесть была доста-

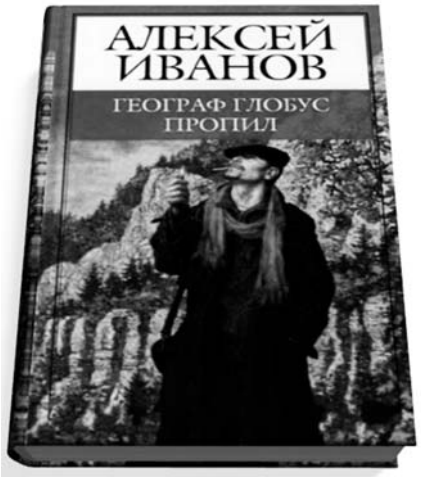
точно точным инструментом анализа повседневности советской школы.

Постсоветская школьная повесть: смена вектора

Первыми произведениями, отражающими реальность постсоветской школы стали повести «Круг» и «Лабиринт» Л. Симоновой, которые стали первыми текстами о школе, написанными после перестройки, и роман «Географ глобус пропил» А. Иванова. Школа в этих произведениях отражала реальность времени: процессы перестройки в повестях Л. Симоновой и постсоветскую реальность начала 1990-х гг. в романе А. Иванова.

Трансформация образа учителя в школьной повести началась ещё до романа Иванова, в произведениях конца

1970-х–начала 80-х годов, когда учитель из всё знающего и всегда правого становится обычным реальным человеком, у которого есть недостатки, слабые стороны, личная жизнь и который может ошибаться. В романе Иванова молодой учитель Служкин, вынужденный пойти работать учителем в школу, чтобы прокормить семью, совершенно не соответствует советским идеалам изображения учителя. При перечислении всех несоответствий Служкина роли учителя и профессии, которой он вынужденно занимается, складывается совершенно шокирующий образ: Служкин сам о себе говорит: *«Раздолбай я клёвый, а учитель из меня — как из колбасы телескоп»*[7]. Роман Иванова является поворотным произведением в изображении учителя в школьных текстах. Тенденция, начатая в 1960-х годах, изображения учителя как обычного человека со множеством слабостей и личных проблем, достигает в романе «Географ глобус пропил» своей высшей точки, внося



в проблематику текста новый тип конфликта.

Новый тип конфликта в содержательный аспект жанра школьной повести вносят и произведения Л. Симоновой. Конфликт её повестей «Круг» и «Лабиринт» основывается на невиданном ранее противостоянии учеников и учителей. Это конфликт, основанный на огромном разрыве между поколениями, спровоцированный самой эпохой и настроениями переходного времени. Симонова описывает не просто школьный конфликт, а конфликт, который перерастает в бунт, неподвластный ни авторитету взрослых, ни, кажется, здравому смыслу.

Повести Симоновой и Иванова стали решающими в смене вектора изображения школы. Школа в них окрашена негативными характеристиками, изображена в мрачных тонах, наполнена тревогой и отчаянием, школа становится местом, куда ребёнок не желает идти, местом, в котором психологически тяжело находиться: *«Лина не торопясь двигалась к школе, давно смирившись с тем, как тошно ей туда ходить»*[8].

На рубеже XX–XXI вв., когда наступает кризис романного жанра и происходит активизация малых жанров, наметились две тенденции в жанре школь-

ного рассказа: первая — это зарисовки отдельных характеров и ситуаций в психологическом ключе, вторая — это тексты, в которых где школа становится моделью мира (например, Ю. Буйда «Химич», Л. Юзефович «Гроза. 1987 г.», А. Геласимов «Нежный возраст», Т. Крюкова «Женька Москвичев и его друзья», Ю. Вийра «Дедушкины валенки», А. Старобинец «Аргентус»).

Безусловно, большое влияние на школьную повесть оказала ориентация издательств на массовую детскую литературу. Неслучайно социологи литературы неизменно называют популярную у школьников «тройку» любимых жанров: фэнтези, детектив, «розовые» романы для девочек. Поэтому на наших глазах сложная психологическая школьная повесть последних советских десятилетий уступает место детской формульной литературе. Примерами могут послужить огромное количество, выходивших в 1990-е и 2000-е годы детских детективов и романов для девочек, использующих школу в качестве места действия («Лунное затмение в 6“Б”» Л. Матвеевой, «Белоснежка идёт по следу» В. Роньшина, «Блин-сокрушитель террористов» Е. Некрасова, «Загадка школьного подвала» А. Иванова, А. Устиновой, «Похищение на двойку» А. Кораблёва, «Похищение поющего автобуса» А. Андросова, «Весёлый прогульщик» А. Кораблёва, «Формула первой любви» С. Любенец, «Игра со смертью» Сестёр Воробей и многие другие). Причём важно отметить, что отечественная массовая литература постсоветского времени — это литература во многом подражательная. Происходящая до сих пор «поттеризация всей страны» не отменила всё же желания российских школьников читать не только о Гарри Поттере, но и о героях, более близких и понятных. *«Собственно, сверхпопулярный текст Джоан Роулинг задал параметры книг-“клонов”, которые вместе с другими клонами — детскими детективами и сентиментальными повестями для девочек — составили основную массу вновь созданной в России литературы для подростков рубежа 2000-х годов»*[9]. Достаточно вспомнить литературные пародии «Таня Гроттер» Д. Ем-

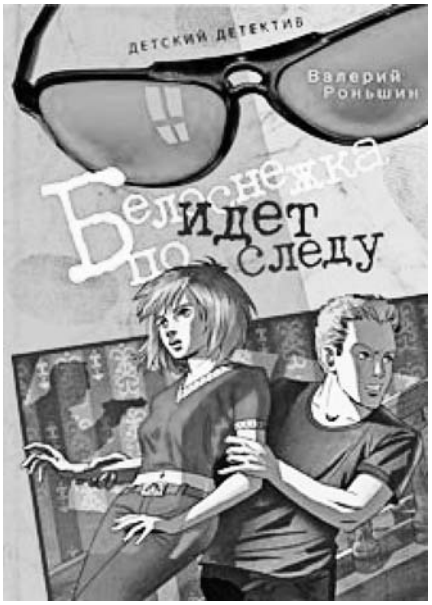
ца и «Порри Гаттер и Каменный Философ» А. Жвалевского и И. Мытько.

К постсоветским школьным текстам с элементами фантастики можно отнести «Время всегда хорошее» А. Жва-

левского, Е. Пастернак. Герой повести пионер-шестиклассник Витя из своего 1980-го года попадает в наше недалёкое будущее — 2018 год. А девочка Оля, компьютеризированный тинейджер из 2018, оказывается советском прошлом. Поменявшимся местами героям приходится решать проблемы друг друга. В 1980 году лучшего друга Вити пытаются исключить из пионеров и из

школы, а в мире Оли, где люди уже практически не общаются в «реале» и даже мамы приглашают детей на кухню обедать с помощью icq, неожиданно вводят устные экзамены вместо таких привычных компьютерных тестов. Современная литература занимается своеобразным «формированием памяти», в рамках которого национальные истории интегрируются в «глобальную», и основным источником представлений о прошлом становятся мифы, легенды, фантастические допущения. Создаётся устойчивое ощущение, что современные авторы воспринимают историю как своеобразный мистический заговор, что позволяет перевести реальность в фантастику и представить жизнь целых поколений с помощью фантастического кода. А. Жвалевский и Е. Пастернак, отстаивая точку зрения, озвученную в заглавии, тем не менее, довольно критически относятся и к прошлому, и к будущему. Витя искренне не понимает, где его книжный шкаф с энциклопедиями, почему в магазинах нет очередей и что это за штука такая «интернет», почему ребятам в школе так сложно отвечать устно у доски. Оля, напротив, абсолютно свободна от идеологических штампов: она не понимает абсурдного, по её мнению, текста клятвы советских пионеров, не понимает, почему существует одна партия, защищает мальчика, который принёс в класс пасхальный кулич и т. д. Но при этом она свободна и от любых культурных ассоциаций, от книг, от культурных кодов: *«Я честно пыталась сосредоточиться, но смысл того, что говорила русичка, от меня ускользал. Зачем мне запоминать стихи, если на Гугле я найду их в три секунды? Зачем самой придумывать все эти красивые слова, если они уже давно все написаны и выложены, украшенные разными шрифтами?»*

Говоря о фантастическом коде в школьном тексте, нельзя не упомянуть «Класс коррекции» Е. Мурашёвой, книгу, вызвавшую массу дискуссий. Эта повесть о том, о чём в школах молчат, о чём никогда не прочитаешь в отчётах методических объединений и педагогических советов, эта повесть о правде современной школьной жизни, жестокой и беспросветной, где слово «милосердие» в активный словарь не входит, где дети вынуждены придумывать себе другой светлый, добрый и справедливый мир, и жить в нём, а значит — умирать в этом. Школа как макромир показана Мурашевой, практикующим семейным и



школьным психологом, с предельной откровенностью. Страшным и больным становится мир взрослых, а не мир по-настоящему больных детей. Клавдия Николаевна, классная руководительница 7-«Е», внушает молодому учителю географии, единственному, который встал на сторону ребят: *«Школа — всего лишь слепок с общества в целом. Неужели вы не видите разделения “на классы” всего нашего мира? Бедные и богатые. Удачливые и неудачники. Умные и глупые…Школа не может изменить мир, который существует за её пределами <…>. Мы разработали для класса коррекции особые программы, учителя преподают там в условиях, приближённых к боевым <…>, мы научили их читать, писать и считать, но поймите, мы не можем изменить их судьбу!»*. Изменять свою судьбу приходится самим ребятам. Настоящим нравственным испытанием для класса коррекции, где собрались и дети алкоголиков, и больные, и запущенные, и изуродованные семейными ссорами, и просто трудновоспитуемые, стал приход (вернее — приезд на инвалидной коляске) новенького, мальчика с диагнозом ДЦП. Мальчик из интеллигентной и любящей семьи (чуть ли не единственный в классе), умный и ироничный, всё время подтрунивающий над собой и своим недугом. Юра не только объединяет 7-«Е» — он, как лакмусовая бумажка, неожиданно проявляет в ребятах доселе не востребованное: умение терпеть и защищать, заботиться и сопереживать, думать и мечтать. Юра обладает особым даром — уходить от страданий и безысходности в параллельный мир, где сбываются все желания. Мир «вечной весны», где есть земляничная поляна и придорожный кабачок «Три ковбоя», город с фонтанами и замок принцессы, мир, где можно обойтись без коляски и костылей и куда Юра организует «экскурсии» для своих одноклассников. И всё же повесть — оптимистическое произведение, оптимистическое вопреки. Класс коррекции и существует вопреки всему — школьным порядкам, жестокости, болезням, нищете. Ребята сами познают значения слов «милосердие», «доброта», «дружба». Вывод из этой светлой повести с грустным финалом один — коррекция срочно необходима нашему обществу, всем нам.

Повесть Е. Мурашевой абсолютно лишена педагогического морализаторства во многом потому, что история «класса коррекции» рассказывается от первого лица, от лица ученика. Законы школьного мира воспринимаются глазами ребёнка и, возможно, от этого становятся ещё более страшными и непонятными. Этот приём использует и А. Геласимов в повести «Фокс Малдер похож на свинью». Главный герой, Саша, невольно оказывается втянут в запутанную историю, он случайно узнает о любви молоденькой учительницы истории и его

одноклассника Антона. Эти отношения, тайна которых охраняется от учеников и учителей, всё же становятся причиной интриг, слёз, предательств, конфликтов и, в конечном счёте, трагедии. И Саша понимает, что жизнь — это не красивый готовый текст, а живой, становящийся, рождающийся диалог, который необходимо уметь выстраивать. Герой понимает, что судьба свела вместе под одной крышей учеников и несчастных, мечтающих о своём женском счастье учительниц. Эта связка, столь случайная, казалось бы, определяет маршруты будущей жизни. *«Почему попадаешь именно в эту школу? А почему карта оказывается именно в этой колоде? Потому что их напечатали вместе. Колода карт - а в ней одна какая-то карта. Так задумано. Кем? Это самая большая тайна. Ты появляешься на свет, кричишь, писаешь под себя, а потом приходишь в школу к учителям, которые были для тебя предназначены. Кем? Я уже пытался ответить на этот вопрос. Если не веришь, см. выше. Точно так же, как и ты был для них предназначен. В этой шайке без тебя смысла не больше, чем в колоде карт без восьмёрки пик. … Ты с ними в одном пасьянсе».*

Источниками детского отечественного любовного романа (С. Любенец «Амулет для влюблённых», С. Любенец «Формула первой любви», Сёстры Воробей «Абба, или Чай с Молоком», «Игра со смертью», Л. Матвеева «Мы в пятом классе», «Герой-любовник из 5-“а”» и др.) тоже стали книги зарубежных авторов книги, в которых происходит слияние жанра девичьего романа со школьной темой (это и романы для девочек американской писательницы Френсин Паскаль, и серия «Стэйси и её друзья» английского писателя Алана Фревина Джонс, и книги Луизы Мэй Олкотт). Жанр романа для девочек имеет свою большую литературную традицию. Традиционно основными темами жанра является взросление героини, именно эта тема является точкой соприкосновения жанра девичьего романа со школьной повестью, это и выбор своего пути, поиск первой любви, оценка себя, а также самоопределение. Поэтому текст девичьего романа в первую очередь — это текст о чувствах.

Школьный детектив тоже строится по лекалам жанра. Однако обязательным условием является «школьная тема». Так, например, в «Детективном агентстве» А. Иванова и А. Устиновой преступления расследует компания девятиклассников из московского двора, а герои литературного сериала «Тайны.Ru» школьники Тим и Леста изображают из себя героев «Секретных материалов» Малдера и Скалли. «Женский детектив на вырост» предлагает издательство «Азбука» в серии Д. Варденбург «Приключения Ульяны Караваевой». Главная героиня — озорная девочка-сыщица, с одной стороны, предельно точно соответствует новым литературным и социальным веяниям, а с другой — является литературным двойником Пеппи Длинныйчулок. Издательство «АСТ» выпускает юмористический детективный сериал про девочку Эмму Мухину[10], которая никого и ничего не боится, дружит с мальчишками и борется за справедливость. Школа становится местом действия и сюжетообразующим явлением в романах В. Сотникова, историях о Жене Осинкиной М. Чудаковой, повестях А. Кораблёва «Похищение на двойку» и «Весёлый прогульщик», А. Андросова «Похищение поющего автобуса» и др.

Школа — живой социальный институт, в котором концентрируются человеческие характеры и оживают разнообразные стереотипы. Для героев произведений, о которых шла речь в этой статье, школа является площадкой, на которой ставятся эксперименты, проверяются гипотезы, ищутся ответы на больные вопросы, это этапы и формы жизненного пути, самоопределения, познания себя и мира. Так или иначе — это один из самых жизнеспособных жанров современной детской литературы.

С автором можно связаться:
ma-cher@yandex.ru

Примечания:

[1] Выражаю благодарность за советы и материалы автору магистерской диссертации «Современная школьная повесть: проблема жанровой трансформации» И. А. Свирской, которая под моим руководством в 2017 г. блестяще защитила свою работу.

[2] Грякалов А. Философия и транспедагогика детства // Инновации и образование. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 29. — СПб., 2003. — С. 53–62

[3] Грякалов А. Философия и транспедагогика детства // Инновации и образование. Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 29. СПб, 2003. — С. 53–62.

[4] См. об этом: Лебёдушкина О. Прощай, королевская грусть? О любимчиках и пасынках «нового производственного романа»-2 // Дружба Народов. — 2009. — №11.

[5] Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — Изд. 3-е. — М.: Худ. лит., 1972. — С. 178–179.

[6] Викторианская эпоха богата школьными романами и произведениями, включающими значительное повествование о школьных годах жизни героя, это и произведения Э. Гаскелл «Жёны и дочери», «Север и юг»; Джейн Эйр «Учитель» (1847), «Городок» (1853), Ч. Диккенса «Домби и сын» (1848), «Николас Никлби» (1839) и др.

[7] Иванов А. Географ глобус пропил (1995). — Москва: АСТ, 2014. — 446 с.

[8] Симонова Л. Лабиринт. Повесть: Для ст. возраста. — М.: Дет. лит.: Фирма «Костик», 1993. — 238 с.: ил.; 21см. — (Подросток). (1989–1990)

[9] Литовская М. А. «Время всегда хорошее»: социальная психология для современного подростка / Детская литература сегодня: сборник научных статей. — Екатеринбург, УрГПУ, 2010 — С. 25–34.

[10] Роньшин В. Эмма Мухина, или Разгадка одного похищения. — М., 2007.

О процессе становления, характерных чертах, эволюции школьной повести как литературного жанра.

Школьная повесть, современная детская литература, литературные жанры, массовая культура

This article focuses on the process of formation, characteristics, evolution, school novel as a literary genre.

School story, modern children’s literature, literary genres, mass culture

МАРИНА ИВАШИНА

Об «эффекте варёной лягушки» и школьном чтении

Создать образ будущего

Ходить по неровной футурологической почве бывает опасно. Однако будущее врывается в нашу сегодняшнюю жизнь, посылая знаки не только из интернет-каналов и СМИ, но подкарауливает в повседневной жизни.

Марина Вячеславовна Ивашина, МБУК «Муниципальное объединение библиотек города Екатеринбурга», учёный секретарь, заслуженный работник культуры РФ

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА, электронное образование, интернет вещей, «умные города», Big Data, искусственный интеллект и робототехника — все эти технологические прорывы стремительно надвигающейся Четвёртой промышленной революции ведут к кардинальным системным изменениям и значительным сдвигам в нашем образе жизни. Как эти изменения повлияют на человека? Изменятся ли этические нормы? Учёные предполагают, что через 20 лет быть человеком будет означать совершенно другое.

Прошедший в День знаний во всех школах города тематический урок «Россия, устремлённая в будущее» должен был с самого начала учебного года запустить процессы осмысления и обсуждения перспективных областей применения своих талантов и возможностей развития в России для тех, кто через несколько лет покинет школу. Екатеринбургские библиотекари, ставшие в этот день VIP-гостями в школах города, организовали разговор о чтении и профессии библиотекаря. Неважно, что она преждевременно переведена Агентством стратегических инициатив в разряд «профессий-пенсионеров». Ведь как бы она не трансформировалась через десятилетия (навигатор информационных ресурсов, тьютор по развитию, модератор сетевых сообществ, тренер творческих состояний) экс-библиотекарь всегда будет готовить читателя к будущему, помогая в отборе и синтезе разных видов информации. Разговор о будущем — это выход из зоны комфорта для решения проблем и действий в условиях новых вызовов. Книги, чтение — как раз то самое беспроигрышное средство, которое поможет взрослеющим детям подготовиться к жизни в обществе будущего, не допустить расчеловечивания в мире роботов, быть готовым к состраданию и милосердию. Читая, они научаться решать неизбежно возникающие в различных ситуациях проблемы и выстраивать отношения с ровесниками и представителями других поколений.

Вернее, могли бы быть подготовлены к будущему лучше, читая и проживая вместе с автором и персонажами различные ситуации и постигая особенности жизни в условиях революционных технологических инноваций, если бы круг чтения школьников был сформирован несколько иначе.

«Эффект варёной лягушки»: проблемы требуют решения

«Эффект варёной лягушки» (или «лягушка в кипятке») — метафорическое отображение неспособности людей адекватно реагировать на значительные изменения, которые происходят постепенно и не дают почувствовать, что опасность близко. В основе метафоры — жестокий научный опыт, демонстрирующий, что при медленном нагревании воды лягушка не воспринимает опасности и погибает, тогда как из кипятка немедленно выпрыгивает. Речь идёт о ситуации, когда люди продолжают питать надежду на лучшее, хотя объективных причин для положительных изменений нет. Идёт адаптация под постепенное нагревание воды при вполне терпимом дискомфорте. Функции сопротивления, стремления к изменениям отмирают за ненадобностью. Небольшие реформы

создают эффект медленного подогрева, и момент опасности упускается. Срабатывает «эффект варёной лягушки», и ситуация может разрешиться драматически. Выход — запуск полноценного стратегического процесса. В нашем случае — Программы продвижения детского и юношеского чтения, которая из статичного чиновничьего документа должна превратиться в реальную динамичную «карту боевых действий».

Метафора «варёной лягушки» как нельзя больше подходит к разговору о школьном чтении, особенно чтении подростков — обязательном и внеклассном, мумифицированном стараниями нескольких сторон. Ситуация в самом деле становится драматической. С одной стороны, всё более складывающееся в обществе отношение к книгам и чтению как «уходящей натуре», считающееся естественным даже среди образованной части общества. И мы уже почти верим, что больший интерес для современного человека представляют каналы информации, альтернативные книжным, будущее за подкастами, пабликами, буктюберами, а книга — это гербарий, музейный экспонат, интересный лишь секте

книжников. В самом деле, зачем читать книгу, если можно посмотреть видео[1].

С другой стороны — растущая, как снежный ком, система запретов на актуальную литературу, жизненно необходимую подросткам. В школьных списках летнего чтения практически отсутствует современная литература, рассказывающая о них самих и их проблемах, нет в них и литературы нон-фикшн, интерес к которой всё больше растёт. в соответствии с ФЗ-436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью», несмотря на сопротивление книжных профессионалов, различного рода общественные комитеты продолжают подвергать гонениям книги, поднимающие острые проблемы. Диктат рынка открывает широкую дорогу массовой литературе, а жёсткий государственный контроль ставит чёрную метку на всём, что выламывается из правил, мешая деятельности маленьких отважных издательств, главный критерий выпуска книг которых — высокое качество.

Последняя новация, повышающая градус нагрева — внезапно возникший обязательный список литературы для изучения (против которого возражали на стадии общественного обсуждения), вошедший во ФГОСы. До этого существовал компромисс между различными видами списков: «А» (небольшой список конкретных произведений, который изучают все школьники), «В» (имена конкретных авторов, а произведения можно выбирать) и «С», (можно выбрать по одному тексту нескольких авторов по предложенной теме), собственно и дававший возможность манёвра и включения в программу современных авторов в соответствии с интересами учеников и предпочтениями педагога. Исчезло из предметной концепции курса литературы и «познание мира и себя в мире» с помощью литературы[2].

Нельзя скидывать со счёта и роль личности в истории, а значит, эрудицию и способность ориентироваться педагогов, библиотекарей, родителей, в жанрах, авторах и проблематике современной литературы для подростков. При скудном комплектовании публичных и школьных библиотек и отсутствии в фондах актуальной литературы, недостаточной профессиональной квалификации библиотекарей и педагогов и переключении библиотек с просветительской (образовательной) деятельности на культурно-досуговую, существует не так уж много подвижников, способных работать с современной литературой, заинтересовать её чтением подростков, включать её в различные образовательные и культурно-просветительские программы.

Таким образом, создаётся очень узкий конвенциальный коридор, сквозь который и мышь не проскользнёт, не то что актуальная книга, способная заинтересовать пытливый ум взрослеющего человека. Одолеваемых сомнениями и вопросами ребят пытаются загнать в ситуацию эстетического комфорта с классикой, выхолощенной избитыми трактовками. Литература, чтение становятся им не интересны. Чего же хотят сами подростки?

От поколения «Z» к поколению «α»

Подростки 13–17 лет заставили в последнее время более пристально взглянуть на проблемы поколения в связи с их участием в протестных общественных движениях, группировках с культом жестокости, драматических ситуациях с суицидом. Это они стали болельщиками, реальными и виртуальными, рэп баттла «Оксимирон vs Гнойный» 14 августа 2017 г., набравшего более 20 млн просмотров и вызвавшего дискуссию в СМИ. После баттла они сметут в мага-

зинах книги, упомянутые в рэперских словесных поединках с упоминанием сюжетов, персонажей и цитат примерно из трёх десятков названий. Особым хитом стало исследование Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой», для чтения которого надо иметь представление о том, что такое язык символов, архетипы, метафизический анализ, космогонический круг. Через несколько дней после баттла на книжном сервисе “Bookmate” будет

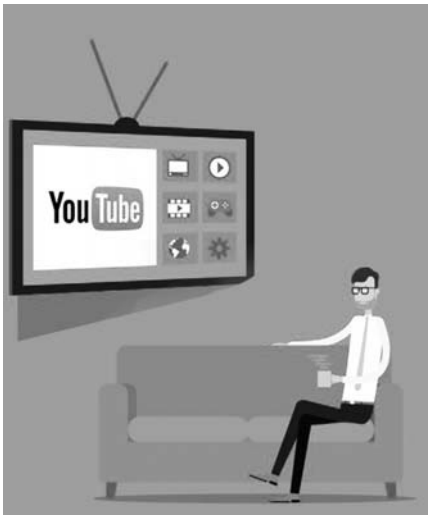
организована книжная полка с произведениями, упомянутыми рэперами[3]. Университетские преподаватели похвалят Оксимирона (кстати, филолога и выпускника Оксфорда, виртуозно вплетавшего в литературный язык сленг и ненормативную лексику) за мастерское владение основами дискурс-анализа. Библиотекари в очередной раз задумаются о возможности использования трендов массовой культуры для продвижения чтения. Снова заговорят об особенностях поколения, именуемого «центениалами» или поколением «Z»[4].

Напомним, что поколение «Z» — это первое поколение, родившееся в мультикультурной среде после 1996/2000 года. Принадлежность к поколению определяется скорее не по году рождения, а на основании общих ценностей. Напомним, что междисциплинарную «теорию поколений» создали американские учёные Нейл Хоув и Вильям Штраус в 1991 году. Адаптацию её для России в 2003–2004 гг. выполнила команда под руководством Евгении Шамис — координатора проекта “Rugenerations”[5]. Теория поколений рассматривается как один из эффективных инструментов коммуникации и управления. В её основе лежит представление о том, что примерно каждые 20 лет появляется новое поколение со своими ценностями. Эти особенности уже используются маркетологами разных стран для разработки разных моделей продвижения идей и товаров. И хотя поведение человека определяется гораздо большим набором факторов, а ценности поколений — всего лишь один из них, отдельные элементы уже используются библиотеками применительно к практике привлечения к чтению подростков.

Они хотят смотреть, а не читать, используют эмодзи и картинки, предпочитают “Youtube” и “Instagram”? Тогда их заинтересуют литературные медиапроекты с интерактивом, которые помогают не просто узнать о произведении школьной программы, но и стать его активным участником: «Чехов жив!», «Мастер и Маргарита», «Война и мир», мобильное приложение «Живые страницы», «Ай да Пушкин» на Яндекс картах[6]. Возможно, по этой модели они смогут разработать собственные проекты, но уже по современной литературе, где будут действовать персонажи, похожие на них? А может, станут книжными блогерами, буктьюберами, создав по группам или индивидуально канал, посвящённый прочитанным книгам.

Им нужно уловить максимум информации в короткий срок? Значит, они оценят лаконичный текст плюс картинки — инструменты сервисов визуализации информации. с помощью сервисов интерактивных и ментальных карт, лент времени, интерактивных плакатов они будут создавать видео и лонгриды, представляющие любую информацию в компактной форме с множеством гиперссылок и взаимосвязей.

Они не стремятся разрушить мир, но сосредоточены на своём внутреннем мире? Нужно помочь им разобраться в себе и окружающем мире с помощью современных книг различных направлений и жанров с персонажами, с которыми они могут отождествить себя, и исследовать различные жизненные ситуации.



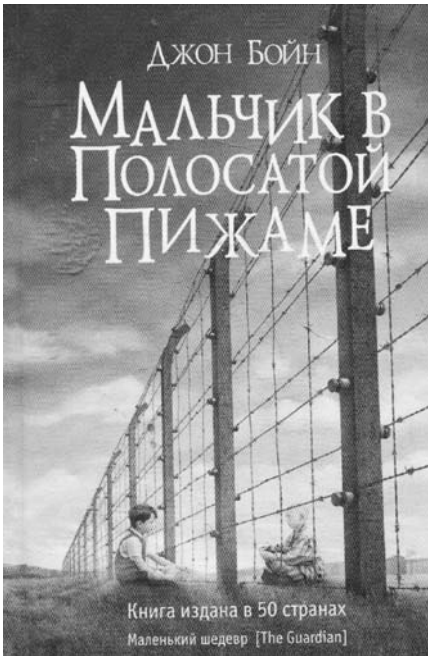
Что читать в «зоне турбулентности»

Мир тинейджеров — это мир, потерявший привычное равновесие и попавший в зону турбулентности. Над подростком постоянно *«свистят пули и рвутся снаряды, и ему просто физически необходимо убежать в хорошую книжку»*, — очень точно подметила на одной из встреч с читателями писательница Марина Бородицкая.

Каждая эпоха требует своей литературы. Но давайте взглянем на списки летнего чтения, которые рекомендуют в школе читателям, вступившим в зону турбулентности. По сути, это некая перспектива чтения на год, обязательного и факультативного. Несмотря на то, что официальные списки чтения сильно различаются в зависимости от программ, выбранных школой, их объединяет одно. Современной литературы, особенно остроактуальных книг разных жанров о сверстниках наших тинейджеров, так называемой подростковой школьной повести, в них ничтожно мало. Исключение делается для написанных лет 40 назад произведений В. Железникова, А. Алексина, В. Крапивина.

Некоторое разнообразие можно наблюдать в рекомендательных списках, размещённых на сайте «Гильдии словесников». Опытные педагоги-словесники подготовили списки по возрастам, начиная с 5 класса, и отдельно список современной литературы. В него включены проблемные книги, заставляющие ребят проживать вместе с похожими на них героями-современниками трудные, порой безвыходные ситуации, думать и принимать не простые решения. На книжные полки российских тинейджеров предлагается поставить заставляющие думать и не дающие однозначных ответов книги российских писателей — А. Жвалевского и Е. Пастернак (эти авторы уже фактически завоевали статус классиков, необходимый для таких списков) «Гимназия №13», «Шекспиру и не снилось», «Хочу в школу», М. Аромштам «Когда ангелы отдыхают», Д. Сабитовой «Где нет зимы», и зарубежных — Д. Гроссмана «С кем бы побегать», К. Хайтани «Взгляд кролика, М. Парр «Вафельное сердце», Д. Бойна «Мальчик в полосатой пижаме»[7].

Но для того, чтобы каждый смог выбрать книгу себе по душе и по обстоя-



тельствам, найти «свою» книгу, эти списки должны быть более обширны и разнообразны, включать произведения разных жанров. Для этого возраста не может быть универсальных списков с обязательными «правильными» книгами, которые должен прочитать каждый. Но есть книги, которые понравятся конкретному читателю. Задача взрослых (педагогов, библиотекарей, родителей) — найти их. Правильная книга, подобранная по возрасту и интересу, вполне может конкурировать с компьютерными играми, соцсетями и новыми фотографиями в «Инстаграме».

Современная литература для подростков призвана объяснить и помочь понять взрослеющим людям, как вести себя в сложных ситуациях. В ней поднимаются темы, на которые прежде распространялись табу — разлад в семье, неизлечимые болезни, детские суициды и смерть близких людей. Вокруг этих книг нередко возникают скандалы, инициированные общественными организациями с требования изъятия книг из продажи и передачи дел в прокуратуру. Не вполне ясно, как актуальные книги дойдут до своих адресатов при сопротивлении родителей, слабой осведомлённости и нежелании работать с такой литературой педагогов и большинства библиотекарей.

Так, книга А. Жвалевского и Е. Пастернак «Пока я на краю» об опасностях, подстерегающих подростков — кризисах, тайных сообществах, суицидных ситуациях, вызвала множество споров и обвинений в скрытой пропаганде и возбуждении интереса к ненужной теме. Предостерегающее назначение книги, где идея выражена одной строкой: «Остановите меня, пока я на краю!», было не понято родителями и педагогами, рекомендовавшими писателям продолжать создавать позитивные книги. Неслучайно Е. Пастернак сделала подборку произведений «Книги, которых боятся родители», куда вошли книги (главным образом, переводные), вышедшие в издательствах «Самокат», «КомпасГид», «Розовый жираф», и неоднократно выступала с этой темой на круглых столах различных книжных форумов в Минске (где она живёт) и в Москве[8]. Тем, кто действительно хочет помочь подросткам не остаться один на один со своими проблемами, адресована серия обзоров новых книг Н. Вишняковой «Нужная книга» на сайте Ассоциации «Гильдия словесников»[9].

Главный упрёк литературе для подростков — отсутствие нового героя как эталона, образца для подражания. Но понятие «положительный герой» сегодня нужно сдать в архив. Героем становится тот, кто способен на поступок, кто стоит перед выбором и выигрывает поединок со злом, слабостью, сомнениями в самом себе, в первую очередь. Идентифицируя себя с таким персонажем, читатель может оценивать и решать важные для себя проблемы. Живой, энергичный материал для разговора о современном герое дают книги Э. Веркина, Д. Сабитовой, Аи Эн, Н. Дашевской, Н. Назаркина, В. Ледерман, Н. Измайлова, екатеринбургских писателей — О. Раина, С. Лавровой, О. Колпаковой.

Рекомендательный список литературы никогда не сможет стать окончательным, а будет ежегодно пополняться новыми книгами, с помощью которых можно будет вести разговор о проблемах меняющегося мира и взрослеющего человека. Только так можно будет сохранить представление о литературе как живой, развивающейся, остро реагирующей на проблемы современности, а не запылённом музейном экспонате. Туда должны включаться произведения, отмеченные экспертами-критиками в блогах и сетевых изданиях, а также писателей, ставших лауреатами литературных премий — Всероссийской премии литературы для подростков КНИГУРУ, где членами жюри являются сами подростки, Международной литературной премии им. В. П. Крапивина, премии «Новая детская книга». При значительном количестве проходящих в России фестивалей, книжных ярмарок, конкурсов, их явно недостаточно, поскольку то и дело кто-нибудь из взрослых критиков или писателей провозглашает, что детской литературы в России нет.

Выйти из зоны комфорта

Сегодня библиотеки вынуждены постоянно подогревать интерес читателей к себе. Они расширяют сферы деятельности, выходят за пределы своего физического пространства, учатся жить, обучаясь сами и обучая новой грамотности в виртуальном пространстве. Уменьшается доля книжных мероприятий, потому что библиотека — это уже «история не только про книги». Появляются новые направления и обретают второе дыхание традиционные.

Блоги, социальные сети, мобильные мессенджеры — больше не периферийная зона жизни. Гаджеты могут помочь в поиске нужной книги. Новой книжности в цифровой реальности от создания текста до чтения посвящён проект Муниципального объединения библиотек города Екатеринбурга «Библиотека в кармане». Темами разговора с подростками стали: предсказанная «смерть» и новые форматы существования книг — интерактивные издания и книги с дополненной реальностью, выбор мобильного приложения для чтения на своём гаджете и выбор книги с помощью книжных рекомендательных онлайн-сервисов “Bookmate”, “Readrate”, “Bookmix”, “LiveLib”, возможность стать независимым автором с помощью платформы самопубликаций “Ridero”. На мастер-классах «Читатель 2.0» подростки получают шанс стать продвинутыми читателями и рассказать о прочитанных книгах с помощью интернет-сервисов — интерактивных плакатов, посредством тегов погружающих в литературный контекст, литературных викторин, паззлов, облаков слов, лент времени и интерактивных карт. Многие оценили проект «Библиотека на связи» с запуском мобильных мессенджеров Telegram, Viber, WhatsApp для получе-

ния информации о книгах, культурных событиях, участии в квестах.

Классика — большое поле для интерпретации. Чем гениальнее произведение, тем больше способов его раскрыть. Главное — не должно быть скуки, которая убивает живое отношение. Даже в скучных пространствах можно создать виртуальные лаборатории для цифровых аборигенов. В проекте «Литературная матрица: екатеринбургский вариант» екатеринбургские писатели, нестандартные интересные личности, рассказывают о своём видении творчества классиков школьной программы, а снятые видео выкладываются в сети «ВКонтакте». Сделанные ими неожиданные открытия, взрывающие традиционные представления, мотивирует подростков на собственное прочтение всем известных произведений.

Огромное поле деятельности для библиотеки в работе с подростками — продвижение литературы non fiction, которая, как правило, не включается ни в какие рекомендательные списки, но интерес к которой, тем не менее, растёт. Проекты «Школа интеллектуального любопытства» и «Академия вольных слушателей» — циклы открытых лекций молодых учёных Уральского отделения Российской академии наук для школьников старше 14 лет, представляют библиотеку как дружелюбное пространство для познания и открытий. Для подростков это интересная возможность в увлекательной и доступной форме познакомиться с современными направлениями развития науки, новейшими исследованиями, уникальными материалами, а библиотеке нестандартно представить книги и сетевые ресурсы по палеонтологии на Урале, истории повседневности и моды, судьбе искусства в цифровую эпоху.

Эти технологии становятся постоянными элементами библиотечных мероприятий и представляются перспективными для продвижения чтения.

В ожидании золотого века

Прогнозы учёных о будущем чтения неоптимистичны и предрекают серьёзный раскол между возможностями интеллектуальной элиты и основной массы населения земного шара. Чтение остаётся одним из важнейших ресурсов сохранения человечности в мире машин и искусственного интеллекта на новом технологическом витке Четвёртой промышленной революции. Человеческая природа сложна, и прочитанные книги не всегда гарантируют светлый ум и благородство души. Но хорошие книги важны для растущего человека.

В библиотеках, стремительно обновляющих арсенал своих средств, сегодня происходит много интересного, но это лишь понижает градус, не отменяя эффекта «лягушки в кипятке». Нужны совместные стратегические действия, которые, как предполагается, будут направляться Программой поддержки детского и юношеского чтения, концепция которой была утверждена Д. Медведевым 3 июня 2017 года[10]. Программа по поддержке чтения будет принята до конца года и станет основой для разработки подпрограммы государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)», потом начнётся её внедрение в пилотных регионах, а затем на всей территории страны. Появятся новые литературные конкурсы и гранты для писателей, книги лауреатов будут публиковаться в рамках госзаказа. Производство, рецензирование и продвижение литературы для детей и юношества будут поднято на новый уровень. Предполагается даже систематическое обновление фондов библиотек. Семейное чтение будет объявлено элементом ответственного родительства. Программой предусмотрено также создание интернет-площадок с электронными книгами, мобильных игр с литературной тематикой и даже профессиональная подготовка важнейших специалистов — «редактора детской литературы» и «специалиста по медиапродвижению детской литературы», что на фоне ликвидации кафедр детской литературы в специализированных вузах выглядит не вполне правдоподобно. Наступит ли золотой век книги и чтения? По крайней мере, для этого следует много работать!

Пока же, несмотря ни на что, библиотеки меняются и продолжают оставаться привлекательным и вдохновляющим интеллектуальным пространством там, где за дело берутся специалисты-«сталкеры», осваивающие новые территории и не желающие играть роль «варёной лягушки». Хочется верить, что будущее за чтением книг, неважно в каком формате, а не френдлент социальных сетей.

С автором можно связаться:
ivashi@ya.ru

Примечания:

[1] Наранович С. Галактика Цукерберга, или Почему не стоит заставлять детей читать книги / С. Наранович // Новая газета. — 2017. — №94. — 28 авг.; То же: **https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/08/28/73620-galaktika-tsukerberga**

[2] Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования в новой редакции // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. – Москва, 2015–2017. — Режим доступа: **http://regulation.gov.ru/projects#npa=68161**; Лукьянова И. А «Му-му» у вас в программе / Ирина Лукьянова // Новая газета. — 2017. — 19 июля (№77). — С. 22; То же: **https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/07/19/73167-a-mumu-u-vas-v-programme**

[3] Яцик С. Oxxximiron versus Гнойный: книжки и цитаты, упомянутые в эпик баттле между Оксимироном и Гнойным / С. Яцик // Bookmate [Электронный ресурс]. — Москва, 2007–2017. — Режим доступа: **https://ru.bookmate.com/bookshelves/otzhf8hA?dscvr=featured**

[4] Кэмпбэлл У. К. Поколения X, Y, Z: как в них разобраться / У. К. Кэмпбэлл // Академия Zillion [Электронный ресурс]. — Москва, сор. 2013–2016. — Режим доступа: **http://zillion.net/ru/blog/316/pokolieniia-x-y-z-kak-v-nikh-razobrat-sia**

[5] Теория поколений в России [Электронный ресурс]. — Москва, 2003–2017. — Режим доступа: **https://rugenerations.su/**

[6] 7 главных литературных медиапроектов // Newtonew [Электронный ресурс]сайт. — Санкт-Петербург, сор. 2014–2017. — Режим доступа: **https://newtonew.com/science/7-interactive-ruslit-projects**

[7] Летнее чтение [Электронный ресурс] // Ассоциация «Гильдия словесников»: сайт. – Москва, 2015. — Режим доступа: **https://slovesnik.org/chto-chitat/letnee-chtenie.html**

[8] Пастернак Е. Книги, которых боятся родители [Электронный ресурс] // Родителям подростков: сайт. — Минск, сор. 2017. — Режим доступа: **http://forteen.info/knigi-kotoryx-boyatsya-roditeli/**

[9] Вишнякова Н. Нужная книга / Н. Вишнякова // Ассоциация «Гильдия словесников» [Электронный ресурс]. — Москва, сор. 2015–2017. — Режим доступа: **https://slovesnik.org/chto-chitat/nuzhnaya-kniga.html**

[10] Концепция программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации // Правительство России [Электронный ресурс]. — Москва, сор. 2008–2017. — Режим доступа: **http://government.ru/docs/27980/**

Размышление о чтении детей и подростков и о концепции современного курса литературы.

Чтение, школьное чтение, продвижение чтения, просветительская функция библиотеки, библиотечные проекты

The author reflects on the reading of children and adolescents and on the concept of a literature program in a modern school.

Reading, school reading, reading promotion, educational library, library projects

ТАМАРА ГАББЕ

О школьной повести и о её читателе*

Предчувствие чувств

1

ТРУДНО СКАЗАТЬ, когда, в какой день, в какую минуту читатель-подросток влюбляется в книгу. Эта страсть приходит к нему незаметно и неожиданно, как все страсти на свете.

Ещё недавно чтение казалось ему чем-то вроде обязательной скучной повинности. Взрослые, как могли, пытались внушить ему, что читать интересно и полезно. Они без конца твердили, что, если он никогда не будет заглядывать дальше той страницы, которую задали в школе, он навсегда останется неучем и никогда не научится читать бегло, без запинок… А двенадцатилетний человек слушал всё это недоверчиво и только ждал той минуты, когда можно будет вырваться на волю, чтобы стрелять во дворе в цель, собирать желуди или носиться, пугая прохожих, на стремительном самокате.

И вдруг, в один прекрасный день, всё меняется.

Самокат валяется в коридоре. Желуди рассыпаны на полу. А на подоконнике сидит человек в пионерском галстуке и, зажав ладонями уши, глотает страницу за страницей. Ему теперь не надо напоминать о книге. Он читает и в постели, и в трамвае, и даже за обедом. А когда вы задаёте ему какой-нибудь вопрос, он с трудом отрывается от книги, долго смотрит на вас невидящими глазами и растерянно улыбается, как будто с ним заговорили на чужом языке, как будто он не понимает ваших слов.

Да он и в самом деле не понимает.

Он только что видел собственными глазами, как чёрный рыцарь вынес на руках из горящего замка раненого Айвенго, а тут спрашивают, много ли тебе задано по арифметике и не звонил ли кто-нибудь по телефону.

Какой уж тут телефон, какая арифметика!..

2

СРЕДИ МИЛЛИОНОВ взрослых людей есть, разумеется, множество прекрасных, как говорят в библиотеках, высококвалифицированных читателей, для которых новая, талантливая книга — событие и радость. Но как невозвратимы годы отрочества, так невозвратима и та особенная свежесть восприятия, которая бывает у человека только в начале его жизни. Невозвратимы страстная пытливость, острое — до слёз — воображение и замечательная, но недолговечная способность — целиком переливать себя из одного любимого героя в другого, чувствовать себя то Спартаком, то Оводом, то Николаем Никльби.

В этом нет ничего удивительного. Способность чувствовать, да и самые чувства созревают в человеке раньше, чем он становится взрослым, имеющим право и возможность устраивать жизнь в соответствии со своими мыслями и наклонностями. Может быть, одна из главнейших трудностей отроческого «переходного» возраста в том и заключается, что человек, готовый бороться, любить, жертвовать собою, жадно и напряжённо ищет возможностей оправдать эту готовность, применить свои растущие силы. Ему без конца хочется проверять себя — испытывать свою стойкость, бесстрашие, щедрость, проницательность, самоотверженность. Вот почему с такой горячностью, с таким пытливым ожиданием хватается он за книги. В них он

найдёт точки приложения для самых различных душевных сил своих.

Чего только нет в книгах! Там есть и войны, и опасные экспедиции, и любовь, и борьба, и вражда, и дружба — всё, что ожидает человека в жизни, всё, к чему он должен приготовиться, все, для чего он должен отточить свои чувства и мысли. В эти годы человек не читает книги, а странствует по ним, не знакомится с

* Детская литература. — 1938. — №18–19. — С. 33–41.

героями, а либо перевоплощается в них, либо ведёт с ними борьбу. Он не только следит за фабулой, но и разыгрывает её, как актёр. Опыт, полученный им из книг, имеет для него в эти времена почти ту же цену, что и опыт, извлечённый из событий и фактов собственной жизни.

Сколько успевает пережить и перечувствовать читатель-подросток в те немногие часы, которые он проводит наедине со своей книгой! Вот герой повести проник в тыл к белогвардейцам. Если хоть одни мускул на лице его дрогнет, его узнают, и тогда — конец всему, конец жизни, конец тому делу, которое ему поручено. А вот отважный исследователь-геолог. Ему нужно перебраться со скалы на скалу через расселину. Он висит над ней, напрягая онемевшие руки. «А у меня хватит ли смелости, чтобы проникнуть в самое гнездо врага? Хватит ли стойкости, чтобы не разжать над пропастью затекшие руки?..» — спрашивает себя тринадцатилетний читатель. «О да, хватит, непременно хватит!» Он чувствует это по тому весёлому вдохновению, от которого у него горят щёки и стучит сердце. Ему кажется, что всё, о чем он сейчас читал, случилось с ним самим. Если бы он испугался, — книжка кончилась бы по-другому.

«Предчувствие чувств» — это лучшая школа для растущего человека. Мальчик или девочка, которые ещё никогда не участвовали в сложных жизненных коллизиях, которым ещё не приходилось решать трудные вопросы человеческого поведения, пристально и внимательно вглядываются в жизнь, ещё незнакомую им, но сулящую ценные уроки. В поисках этих уроков ребёнок готов проглотить и лубочную книжку, полную легковесных приключений и поддельных переживаний, и повесть, созданную настоящим художником, насыщенную подлинными чувствами и мыслями. Но как жаль, если таким прекрасным ученикам, таким пытливым читателям, как наши дети, для воспитания их воли, характера, сердца даётся книжка, в которой нет ни сердца, ни воли, ни характера.

3

БОЛЬШЕ ВСЕХ других книг дети любят повести о людях. Как бы ни были разнообразны вкусы и интересы наших ребят, как бы охотно и живо ни брались они за любую книгу — будь то книга по геологии, по ботанике или по технике авиамоделизма, — никогда ни одна книга не заинтересует их так, как может заинтересовать повесть о людях — о человеке и о его судьбе.

Это вполне естественно. В годы отрочества главное дело человека — становиться человеком. И дело это совсем не лёгкое. В сущности, труднейшие университеты проходим мы в первые годы нашей жизни. Всякая живая содержательная книга о людях, о человеческом коллективе — нужнейшее пособие для этих университетов.

Из ста ребят разве какой-нибудь десяток ранних специалистов-астрономов, ботаников, техников предпочтёт научно-популярную книгу повести о человеке. Но и научная книжка только тогда по-настоящему покоряет маленького читателя, когда она человечна. Если ребёнок чувствует, что автор защищает свою идею со всей силой страстной убеждённости, что он горячо борется за то, что считает правильным, и воюет с тем, что кажется ему ложным, — книга будет любима. Если он чувствует, что сведения, которые лежат перед ним на раскрытой странице, — это завоевания человеческого ума, плод сосредоточенного труда и борьбы, что за каждым изобретением или открытием стоит человек, — книга будет любима.

Привычные и равнодушные популяризаторы очень хорошо знают и всегда знали, что без человека книга не интересна. Испокон века населяли они свои книжки условными человечками для развлечения и привлечения читателя. И бывало, иной раз, что читатель обманывался. Но не надолго. Нельзя долго принимать манекен за человека, даже если на деревянные плечи надет настоящий пиджак, а на деревянную голову — настоящая шляпа.

Книга о человеке и о его судьбе, книга о том, как человек находит своё место в жизни, в своём времени, в своей стране, о том, как складывается его характер, — вот то, что в первую голову нужно читателю-подростку.

В старой литературе — русской и западной — книг о детстве и юности было много. Но далеко не всякая из них способна увлечь и повести за собой нашего подростка, далеко не всякая книга годится для воспитания чувств будущих граждан СССР, которым предстоит жить и действовать во второй половине XX века. И даже самые лучшие, самые близкие нам по духу книги из литературного арсенала прошлого не могут до конца удовлетворить требования, которые предъявляют к повести о человеке маленькие читатели.

Как бы ни были хороши и поучительны книги о людях прошлого, детям нашим насущно необходима книга о человеке настоящего, потому что сами они смотрят в будущее.

4

НЕМАЛО КНИГ о детстве, отрочестве и юности написано у нас и после революции.

Если мы раскроем библиографический справочник на странице, посвящённой школьным повестям, очеркам и рассказам, мы обнаружим целые столбцы названий.

Вот книжка о ШКМ, вот повесть о ФЗУ, вот рассказ о нулевом классе…

Почему же нашим ребятам всё ещё не хватает школьных повестей и рассказов? Куда девались всё многочисленные книги на такую важную и нужную тему? Как случилось, что в библиографическом списке оказалось так мало названий, которые знакомы нам, которые мы помним и радостно узнаём?

У советской литературы для детей, несмотря на её молодость, много больших удач и успехов. У нас есть замечательные, весёлые и героические стихотворные сказки и баллады. Есть и книги в прозе, решающие большие политические и философские задачи. Эти книги читают и юные и совсем взрослые читатели, их широко переводят во всем мире.

Почему же так мало у нас удач именно в области школьной повести? В чём трудности создания книги о растущем человеке?

Большинство авторов предреволюционных школьных повестей шло по проторенной дороге. Они писали по воспоминаниям, писали о той школе, в которой сами когда-то учились. Советским авторам пришлось писать о школе, которая только ещё создавалась, меняясь год от года, день ото дня.

У нас не было привычного быта, привычных отношений. Всё это кипело, клокотало, складывалось у нас на глазах. Надо было быть настоящим художником, чтобы, получая все впечатления не из книг и даже не из воспоминаний, а

из ежедневных непосредственных наблюдений, не растеряться и построить целое здание художественного произведения. От тех же, кто писал для детей, требовались сугубая ясность, отчётливость миропонимания и мироощущения.

Очень многие авторы школьных повестей и рассказов, не справляясь с трудностями такой задачи, шли по линии наименьшего сопротивления. Они понимали современность в самом узком и примитивном смысле этого слова. Школу изучали не изнутри, а поверхностно, внешне, чуть ли не по программам и протоколам методических кабинетов Наркомпроса. Они писали рассказы и стихи во славу Дальтон-плана, бригадного метода работы, системы «буксира». Целые повести создавались на тему о том, что школа должна стать цехом завода или попросту «отмереть». Но, к счастью, отмерла не школа, а вся эта литература, поспешно и угодливо повторявшая то, что подсказывали ей вредители-педологи. Из всех книг двадцатых годов, написанных для детей и о детях, уцелели только те немногие, в которые авторы вложили не клочки наркомпросовских циркуляров с приправой из добрых намерений, а подлинный жизненный опыт и серьёзное понимание политических и воспитательных задач нашего времени.

Таковы, например, книги Гайдара, Пантелеева. Эти книги, вероятно, не так ещё скоро устареют. В них есть драматизм, юмор, чувство эпохи. То, что мы нынче, в конце тридцатых годов, воспринимаем их уже как исторические, свидетельствует только об их подлинности и о быстром ходе времени в нашей стране.

5

НАПИСАТЬ КНИГУ о детях, о школе — это ещё не значит написать книгу для детей.

Прекрасные, полные глубочайшего содержания страницы о детстве можно найти у многих больших художников. Однако далеко не все они стали достоянием читателя-ребёнка. И наоборот — есть повести, не блещущие чрезмерными художественными достоинствами, но в то же время сделавшиеся любимым чтением ребят.

Очевидно у школьной повести, как у всякого литературного жанра, есть свои особенности, свой секрет. Для того чтобы овладеть этим секретом, детский писатель должен любить и понимать своего читателя, должен отчётливо и ясно представлять себе тот жанр искусства, за который он берётся. А между тем, когда читаешь многие из русских повестей, кажется, будто авторы и не подозревали, что до них на разных языках было написано немало школьных историй. Может быть, такая литературная «безродность» объясняется тем, что дореволюционная детская литература не оставила нам здоровой традиции школьной повести. Многочисленные книжки о гимназистах, гимназистках, институтках, кадетах были, в сущности, только бледным подражанием западным образцам этого жанра, — и притом далеко не лучшим образцам. Недаром из всех этих как будто бы занимательных, как будто бы трогательных книжек ни одна не перешла в детскую библиотеку наших дней. Мы получили в наследство от прошлого только те книги о детстве, которые были написаны для взрослых, но оказались понятными и детям.

У многих больших писателей, чаще всего в пору их литературной зрелости, является желание написать книгу о ранних годах своей жизни, дать отчёт себе и другим в том, как сложился их характер, какой ценою узнали они мир.

Таковы, например, «Детство и отрочество» Толстого, «Детство» и «В людях» Горького, «История моего современника» Короленко. Такие книги нельзя назвать ни романами, ни повестями в точном смысле слова. Это скорее воспоминания, исповедь. Летописи в них гораздо больше, чем художественного вымысла.

Даже такие беллетристические, без большого лирического и философского содержания, книги, как «Гимназисты» Гарина или «Кадеты» Куприна, — и те скорее тяготели к воспоминаниям, чем к свободной повести.

Впрочем, на этих книгах, как и на многих других дореволюционных школьных историях, сказывается тот обличительный голос, который резче всего звучал когда-то в «Очерках бурсы» Помяловского, а ещё недавно в повестях Горького. Эти воспоминания о прошлом играют большую роль в воспитании нашего юношества. Но они никогда не заменяли да и не собирались заменить собой те эпопеи детских приключений, те школьные истории, которые всегда были так любимы ребятами.

6

«ТОМ СОЙЕР» — любимая книга детей. Где, в какой книге ещё можно найти цепь таких драматических и весёлых приключений? Возможен ли герой более близкий одиннадцати-двенадцатилетним читателям, чем Том Сойер?

Особая прелесть книги Марка Твена — в лёгкости и причудливости положений, в стремительности действия, разворачивающегося на совершенно реальном и типичном фоне. Это детский спектакль, который разыгрывается на большой сцене. Сцена эта — Америка того времени, когда Марк Твен был не старше своего героя.

Но самая большая победа Твена, бесспорно, в том, что нигде, от первой страницы его книги до последней, вы не почувствуете, что спектакль недостоин сцены, что действующие лица теряются или пропадают на ней. Том Сойер — настоящий герой, настоящий мужчина, несмотря на то, что он всего только маленький школьник. Он смел и твёрд, он добр и весел, он щедр и самоотвержен. Не разберёшь, он ли идёт навстречу приключениям, или приключения сами идут навстречу ему. Читая его историю, ребята чувствуют себя на пороге взрослой, ответственной жизни. Недаром в заключение повести о Томе есть такие строки: *«Так кончается сия правдивая летопись. Поскольку в ней дана биография мальчика, она должна остановиться именно здесь; если бы она двинулась дальше, она сделалась бы биографией мужчины»…*

Но таких повестей, как «Том Сойер», мало. Детская библиотека была наполнена другими книгами, действие которых разыгрывалось на малой, «детской» сцене. Однако среди этих книг писатель, которого интересует школьная повесть, найдёт для себя немало поучительного.

Возьмём, для примера, одну из английских школьных повестей: «Старшины Вильбайской школы» Тальбота. Это настоящая детская книга, почти все её персонажи подростки, школьники. Действие разворачивается и протекает в стенах школы. Да и драматическая коллизия чисто школьная — смена школьного старшины и борьба нового старшины за авторитет, за признание его в среде товарищей.

Нельзя сказать, что книга эта очень высока по своему художественному уровню, очень крупна и своеобразна. Характеры взрослых — директора, учителя Пэррота — намечены слегка. Дамы кажутся второсортной копией с второстепенных Диккенсовских персонажей. Жизнь, которая омывает стены Вильбайской школы, почти неощутима. Да и сами герои книжки — школьники — очерчены автором не слишком тонко и сложно. Ничего индивидуального вы в них не найдёте, они типичны — и только.

Сурой зловеще сказал: «Скажешь?»

И всё же книга эта достойна внимательного изучения. Достойна потому, что автор её — не только талантливый писатель, но и вдумчивый педагог. Сколько важных и полезных задач приходится решать читателю, пока он дочитает эту книгу до конца! Сколько серьёзных вопросов поставил перед ним автор! Здесь и взаимоотношения отдельного человека со школьным коллективом, и борьба личных чувств с общественным долгом, и вопрос бережного, осторожного отношения к товарищу, и вопрос о настоящей и ложной чести.

Тальбот пишет всего только о школе; в книжке его, такой типично английской, нет событий важнее лодочных гонок или организации крикетного клуба. А между тем книга эта государственная. Изображённая в ней школа — это маленький мирок, в котором формируются буржуазные государственные деятели. Борьба претендентов на место старшины в принципе ничем не отличается от борьбы претендентов на министерский пост или депутатское кресло.

В русской детской литературе до революции только худшие и наименее талантливые книги пытались насаждать какие-то государственные идеи казенного образца. Лучшие же книги — в том числе те повести и воспоминания, о которых мы уже говорили, — были пропитаны жестокой ненавистью к царской казённой школе. Их общественная задача была именно в том, чтобы разоблачать бездушную, бездарную, черносотенную школу, вытравлявшую из детей всё живое и чистое, готовившую для своих департаментов равнодушных и тупых чиновников. Другой задачи у честной книжки в те времена и быть не могло.

Только после революции наша литература стала активной участницей государственного строительства. И естественно, что перед школьной повестью, как и перед другими жанрами литературы, встали крупные государственные созидательные задачи. Наша повесть, так же как и наша школа, должна воспитывать человека, деятеля, борца, строителя. Но такая повесть рождается медленно. Каждый шаг на этом пути заслуживает пристального внимания.

7

В 1938 Г. ПОЯВИЛОСЬ НА СВЕТ несколько повестей на ту тему, о которой мы говорим, то есть на тему о растущем человеке, о школьном коллективе.

В журнале «Пионер» напечатана повесть Е. Немировой «Судьба товарища». В журнале «Костёр» появился «Дневник Лиды Карасевой» Д. Бродской. Обе эти вещи — о школьниках наших дней. В «Детиздате» вышла книга Алексея Бондина «Моя школа» — воспоминания о той школе, в буквальном и переносном смысле слова, которую прошёл автор книги, сын уральского рабочего, сам начавший работать на заводе с двенадцати лет. В «Пионере» и в «Молодой гвардии» появился «Секрет» К. Чуковского, воспоминания детства.

Книжка Бондина скромна, обстоятельна и добросовестна. Но вы читаете её, и вам кажется, что автор даже и не ставил перед собой никакой литературной задачи. Он просто рассказывает о своём детстве, трудном детстве рабочего человека, о Тагиле, о тагильском Демидовском заводе, о мрачной русской провинции, о пестром и сложном её быте.

Алексей Бондин пользуется замечательным образцом. Этот образец — «Детство» Горького». За Горьким Бондин следует ученически покорно. Материал у него пережитой, выстраданный; форму же он берёт такую, какая, видимо, ему приглянулась больше всего, больше всего подошла. Не делать же для каждой новой отливки новую форму!

«Детство» Горького кончается так: *«Через несколько дней после похорон матери дед сказал мне:*

— Ну, Лексей, ты — не медаль, на шее у меня — не место тебе, а иди-ка ты в люди…

И пошёл я в люди».

Бондину нравится этот конец. Он лаконичный, простой, суровый. Лучшего не найдёшь. И Бондин кончает свою книгу такими строками:

«Александр отвернулся от меня, закинул руки назад и долго молча смотрел в окно. Потом холодно сказал, не смотря на меня:

— Я тебе не содержатель… Будет дурака валять. Учёным всё равно не будешь… Не с нашим рылом в калашный ряд лезть. Давай-ка, отправляйся работать.

И пошёл я работать».

И всё-таки даже это совсем откровенное сходство не вызывает у читателя мысли, что автор искал в подражании лёгкой дорожки. Жалко только, что и автор и редакция не поставили перед собой несколько большей задачи, чем та, которая поставлена и решена.

Очень хорошо, что детям нашим откроется ещё одна страница прошлого. Хорошо, что они увидят жизнь в новом для них разрезе — жизнь суровую, большую, сложную. Хорошо, что им рассказывает о себе человек простой и честный. Но было бы ещё лучше, если бы книга, которая попадёт им в руки, была своеобразнее, ярче. Там, где есть своё содержание, свой опыт, свои чувства, должна быть и своя форма.

Повесть К. Чуковского — это зрелое произведение уверенного мастера.

Быть может, одна из самых больших удач этого писателя в том и заключается, что всякая его вещь — будь то стихотворная сказка, повесть, фельетон, газетная заметка, — всё окрашено его индивидуальностью. В каждой строке слышится его голос, чувствуется его характер, склад.

Чуковского узнаешь и в повести «Секрет».

«Секрет» — это очерк, настолько насыщенный подробностями быта, что он почти что становится повестью. Это — повесть настолько прямолинейная и отчётливая по своей тенденции, что она воспринимается почти как статья, как большой талантливый фельетон.

Тему свою Чуковский берёт смело, как и подобает писателю, не боясь касаться того, что причиняло автору воспоминаний когда-то самое большое горе. Он просто и открыто рассказывает детям о том, что значило быть в царской России незаконнорожденным. Прочитав эту повесть, подросток закроет книгу с чувством ненависти ко всей той жестокой бессмыслице, о которой он только что узнал, с гордой радостью, что он живёт в другом социальном строе. К этому выводу писатель приводит его самой прямой дорогой.

В такой прямоте и сила книги и её слабость.

В повести чувствуется и место действия, и время, и характеры. По нескольким типичным фигурам — таким, как «мамин вор Циндилиндер» или содержатель заведения искусственных минеральных вод — Дракондиди, — читатель сразу представит себе своеобразный южный портовый город начала нашего века.

И всё же у читателя остаётся такое чувство, как будто его слишком быстро провели по незнакомым улицам, не дали ему заглянуть в лица встречных, и он ни с кем не успел как следует подружиться в том мире, который показал ему писатель.

Чуковский сделал большое дело, написав свой «Секрет». Но секрета школьной повести он ещё не разгадал. Не разгадали пока и другие детские писатели.

8

И «СЕКРЕТ» и «Моя школа» — это повести о прошлом. Они очень различны по своим художественным достоинствам и по уровню литературной культуры авторов. Но обе повести дают детям представление о какой-то настоящей жизни, о большом мире.

Гораздо хуже удалось разрешить эту задачу тем авторам, которые дали нам книги о детях и о школе наших дней.

Повесть Е. Немировой «Судьба товарища» с первых своих строк обещает читателю очень много.

Повести предпослан пролог — драматический, таинственный, мрачный. Время действия пролога — 1921-й год. На тёмных улицах простого города красноармеец случайно находит потерянное кем-то неотправленное письмо, в конверте, заклеенном хлебным мякишем. В этом письме — тайна, которую читатель разгадывает на протяжении всей повести. А тайна заключается в том, что мальчик и девочка, которые учатся в одной из московских школ и постоянно ссорятся друг с другом, в конце концов окажутся братом и сестрой.

О потерянных детях, о братьях и сестрах, которые встречаются, не зная друг друга, написано немало детских книг. Это очень традиционная тема. Но в этом еще нет беды. Традиционная тема может ожить и зазвучать по-новому, если её наполнить новым материалом, новыми чувствами. Немирова, очевидно, понимает это сама. Она ищет нового, приглядывается к жизни, к новой советской школе, к отношениям между товарищами, между мальчиками и девочками. Плохо только то, что в поисках этих автор прошёл по той же дорожке, по которой ходили многие писатели времен Дальтон-плана и бригадного метода. Всё то, что относится в повести к школе, поверхностно, сбивчиво и программно. В конце концов вам так и не удается понять, почему же с таким упорством и непримиримостью ссорились брат и сестра, почему весь класс не любил сестру, что именно представляет собою наиболее положительный персонаж повести, хромой Сеня, который взял всеми гонимую девочку «на буксир», а потом почему-то бросил её на полдороге. Для объяснения всего этого автор приводит мотивы, но крайне неубедительные.

Безотчётная антипатия, ревность между товарищами, самолюбие, которое не позволяет ребятам объясниться друг с другом, — таковы эти мотивы. Может быть, если бы характеры действующих лиц были отчётливее, глубже, живее, вся эта психологическая игра удалась бы автору. Но, к сожалению, характеров-то в книге и нет. Нет и большого мира, который обступает нашу советскую школу со всех сторон. Повесть оказалась каким-то механическим соединением испытанной мелодрамы с благонамеренной псевдопедагогической повестью во славу «буксира».

А между тем у Немировой есть качества, которые заставляют ждать от неё какой-то живой свежей книги. Даже и в этой неудачной повести у неё встречаются поэтические подробности, чувствуется способность построить фабулу, интересную для ребят.

Автору другой повести о нашей школе Д. Бродской более всего не хватает именно этого умения строить фабулу. Лучшее в ней — это пристальная наблюдательность и чувство быта, но накопленные наблюдения, даже если они метки и точны, всегда кажутся мелкими и случайными, если только они не служат крупной задаче или продуманной идее.

Как будто бы в повести идея есть. Это апология дружбы, настоящей дружбы, которая помогает людям жить и работать, позволяет одному товарищу глубоко заглянуть в жизнь другого — в его тревоги и беды. Пожалуй, именно такой вывод читатели и сделают, — хотя бы потому, что другого вывода сделать нельзя: книжка не настолько богата, чтобы в ней можно было заблудиться. Но вывод этот не будет эмоциональным выводом. Никаких серьёзных, глубоких чувств читатель на протяжении повести не пережил. Эта повесть без событий, без соприкосновения с тем широким миром, который и мелким фактам нашего существования придаёт значительность и смысл.

В повести Бродской, как и в повести Немировой, нет того главного,

что удалось за последнее время, пожалуй, одному В. Катаеву. Ни Лида Карасева, ни Галя, ни Яша, ни Сеня хромой не могут стать любимыми героями, каким стал Гаврик из повести «Белеет парус одинокий». Маленький рыбак, с цепкой и развалистой походкой настоящего моряка, с хриповатым голосом, верно, и знакомиться бы не стал с теми малокровными, вялыми персонажами, которые разгуливают по страницам детских журналов. Задача наших писателей для детей — создать таких героев, которым советские ребята захотели бы подражать, опыт которых мог бы стать личным опытом наших жадных, весёлых, требовательных читателей.

Тамара Габбе

Критическая статья Тамары Григорьевны Габбе, писательницы, драматурга, фольклориста, о детской литературе и детском чтении.

Детская литература, школьная повесть, читательские переживания

Critical article by Tamara Gubbe, writer and playwright, about children's literature and children's reading.

Children's literature, school story, reader experiences

Об авторе

Краткая биографическая справка

Лидия Чуковская, В лаборатории редактора, Архангельск, стр. 506–507 / 2005 г.

Тамара Григорьевна Габбе

[16.03.1903, Петербург — 2.03.1960, Москва]

Т. Г. Габбе в историю русской литературы вошла как детская писательница, драматург, фольклорист и редактор. Родилась в Петербурге в семье врача. Детство её прошло в Финляндии. В 1924 г. поступила в Ленинградский институт истории искусств на литературный факультет и, в 1930 г. окончив его, некоторое время работала учителем. Вскоре она сменила профессию и стала сотрудником редакции детской литературы, возглавляемой С. Я. Маршаком. Известная писательница Вера Смирнова вспоминает, что Тамара Григорьевна *«30 лет была первым редактором Маршака, другом, чей слух и глаз нужны поэту почти ежедневно, без чьей санкции он не выпускал в свет ни строчки»*. Многие молодые писатели своими первыми успехами обязаны были её сердечной заботе, её добрым и умным советам, поэтому недаром книга Л. К. Чуковской «В лаборатории редактора» посвящена ей.

Перу Тамары Григорьевны принадлежат и критические статьи о детской литературе: «О школьной повести и её читателе», «Повесть о детстве и повесть для детей», «Книги Л. Пантелеева», «Евгений Чарушин».

Плодом многолетнего изучения устного народного творчества стали созданные ею сборники сказок для детей — «Лукоморье. Сказки русских писателей» (совместно с Иваном Халтуриным), «По дорогам сказки» (совместно с Александрой Любарской), а для взрослых — «Быль и небыль». Т. Г. Габбе хорошо знала иностранные языки, и хотя она не была переводчиком, но оставила замечательную книжку для младших школьников — пересказ романа Д. Свифта «Путешествия Гулливера», а также обработала и пересказала французские народные сказки, сказки Перро, Андерсена, братьев Гримм и др. Полюбились детям и написанные ею пьесы-сказки: «Город мастеров, или Сказка о двух горбунах», «Хрустальный башмачок», «Авдотья Рязаночка».

Лучшим произведением Т. Г. Габбе, по мнению С. Я. Маршака, была «её собственная жизнь». В 1937 г., когда редакцию Детгиза подвергли идеологическому разгрому, Тамара Григорьевна была арестована как «член вредительской группы, орудовавшей в детской литературе». В тюрьме она подвергалась пыткам, но вышла на свободу 16 декабря 1937 г. несломленной. Ее мужество и терпение проявились и во время тяжёлой и длительной болезни. До последних дней сумела сохранить она всю свою приветливость, деликатность, внимание к окружающим.

Тамара Габбе

«От друга я жду не осуждения, не ругательства, не казни, а тёплого участия и восстановления меня любовью, от него я жду,

что он половину моей ноши возьмёт на себя, что он скроет от меня свою чистоту», — эту мысль Герцена выписала Лидия Чуковская для «Моих чужих мыслей», сборника цитат, куда она помещала только то, что было созвучно ее собственному чувству.

У неё был такой друг — Тамара Григорьевна Габбе, чей талант дружить и любить, называли её главным талантом, несмотря на то, что и другими она щедро была одарена. Они познакомились в юности в Институте Истории искусств. Обе считали, что их дружба — это и есть то главное, что вынесли они из студенческих лет, из стен института. Настоящей же школой, жизненной и литературной, стала для них работа в Ленинградском Детиздате. В эти девять лет в редакции Маршака уместились и самые счастливые, и самые трагические события их жизней, определились литературные пути. Тамара Габбе стала замечательным редактором. Лидия Чуковская подготовилась, созрела для писательства.

В редакции Маршака узнали они счастье труда — единственный вид счастья, способный существовать в беспросветные минуты. Они обе считали, что только труд или молитва могут придать смысл жизни, из которой вырвано то, что в ней было наиценнейшим. Здесь же они узнали, что такое беспомощность, арест, гибель.

***

«Осенью 1937 года редакция, вошедшая в историю литературы, как "ленинградская редакция, руководимая С. Маршаком", была ошельмована, обвинена во вредительстве, разогнана. <…> К октябрю 37 года были уже арестованы, убиты или ожидали гибели в тюрьмах и лагерях многие из окружавших редакцию литераторов…». В числе арестованных были муж Л. К. Чуковской — Матвей Бронштейн, и её ближайшие подруги — Тамара Габбе и Александра Любарская. Мужа Лидии Чуковской расстреляли. Тамару Габбе и Александру Любарскую в 1938, по счастью, освободили.

Редкой дружбе выпадает проявлять себя в таких испытаниях, как террор, война и гибель близких. Дружба Лидии Чуковской и Тамары Габбе всё это выдержала, благодаря человечности, благородству и любви, которые были им свойственны.

Литература была стержнем жизни Лидии Чуковской. Она имела огромное значение и в её отношениях с людьми. Дружба с Тамарой Габбе не была исключением. Лидия Корнеевна ценила её вкус, знания и блестящую точность сдержанных, всегда уместных советов. Но всё же характер их нелитературных, а человеческих отношений определили её чуткость и такт.

«Дружеская снисходительность это очень хорошая штука. Все взрослые отношения основаны на ней. Только с её помощью можно видеть человека таким, каков он есть, независимо от того, что он делает» — из письма Тамары Габбе Ивану Халтурину.

ИРИНА ТИХОМИРОВА

Советская школа в детской литературе

и в контексте современных вопросов образования и воспитания

Пусть не удивляется читатель, что начать разговор о школе той поры, и о той литературе, на которой воспитывалось наше поколение, сидящее за партами в послевоенные годы, я начну с понятия «совесть». Оно выходит за рамки прикладных вопросов школьной жизни. Это разговор о ценностях и смыслах человеческого существования, которые вкореняла в нас школа и литература.

Я УЧИЛАСЬ в советской школе и росла на художественной литературе, отражающей эту школу, а вместе с ней и нас — учеников. Мы узнавали в ней себя. Литература подсказывала нам, следуя за К. Ушинским, *«Чем человек как человек может и должен быть»*.

Надо сразу сказать: слово «совесть» исчезло сегодня не только из литературы о школе, но и из реальной системы школьного образования и воспитания. Оно выпало не только из учительского, но даже их родительского «хочу», ибо оно не согласуется с ныне ходячим словом «успех». Редко кто скажет: хочу, чтобы вырос мой ребёнок хорошим человеком, а мои ученики — совестливыми людьми. Самим же нынешним ученикам отсутствие совести как внутреннего цензора не мешает жить, совесть не вписывается в систему их ценностей. Они убеждаются, что без совести жить в современном мире легче, легче выкручиваться из трудных ситуаций, добиваться личных целей за счёт других. Вместе с девальвацией совести девальвируются все другие нравственные ценности — честность, бескорыстие, милосердие, порядочность, доброта, сострадание. Для нас же совесть была олицетворением Человечности, а изливалась она из живого источника — личности Учителя.

Что же такое «совесть»? Михаил Пришвин видел смысл слова «совесть» в том, что оно передаёт «весть» от человечества к человеку, и человек, принимая эту весть и разделяя её, соответственно оценивает собственные поступки. Иначе на поставленный вопрос попытался ответить писатель и публицист Даниил Гранин в своём выступлении «Размышление о совести» на VII Международных Лихачёвских научных чтениях 24–25 мая 2007 года. В качестве идеала совестливого человека он назвал самого Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Обрисовав его человеческий портрет, Гранин этим самым и охарактеризовал сущность понятия «совесть».

Сегодня образцы для подражания, которые помогают понять человеку своё человеческое предназначение, пробудить энергию самосозидания, называют референтами. Отождествление себя с образцом-идеалом является ведущим условием нравственного становления растущей личности, пробуждающим в ней голос недовольства собой от найденного несоответствия, заряжающей энергией личностного становления. Пробуждение совести в данном случае идёт не от простого знания, какими бывают совестливыми люди, а от эмоционального постижения высшего смысла человеческой жизни. *«Совесть*, — сказал Гранин, — *есть одно из самых таинственных человеческих чувств. Оно исходит из глубины души и не бывает ложным. Оно не ошибается. Это чувство, у которого нет выбора»*. Внутренний облик академика Д. С. Лихачёва Даниил Гранин охарактеризовал словами Б. Окуджавы: *«совесть, благородство и достоинство — вот оно святое наше воинство»*. По словам Д. Гранина, у Лихачёва не было никакой разницы между нравственными принципами и его поведением. Одно дело — пропагандировать, говорить о милосердии, бескорыстии, доброте, другое дело — вести себя так.

Ирина Ивановна Тихомирова, кандидат педагогических наук, Санкт-Петербург

Надо сказать, что и сам Лихачёв много думал о проблемах совести. Его книги «Письма о добром», «Раздумья о России», «Об Интеллигенции», его многие статьи пронизаны мыслями об этом нравственном качестве. В одной из своих работ «Тревога совести» он писал: *«Можно не очень много сделать в жизни, но если ты не делаешь ничего, даже мелкого, против своей совести, то уже этим самым ты приносишь колоссальную пользу. Даже в обыденной нашей, повседневной жизни. Тревоги совести… они подсказывают, учат, они помогают не нарушать этические нормы, сохранять достоинство — достоинство нравственно живущего человека»*. Лихачёв считал совесть гарантом свободы человека. Отсюда вытекает огромная роль совести в регулировании общественных процессов.

Не прошла мимо совести и детская художественная литература о школе того ушедшего периода жизни страны, называемого «советским». Совесть тогда была взята писателями не из области благих пожеланий, а из реальной жизни растущего послевоенного поколения, из тайников его внутреннего мира.

Солнце в капле росы

Несколько лет назад, в ходе работы над методическим пособием для школьных педагогов-библиотекарей «Добру откроем сердце: школа развивающего чтения» мне понадобилось перечитать не один десяток произведений о школе советских классиков детской литературы, пишущих в любимом мною жанре — рассказе. Среди них — Ю. Нагибин, В. Астафьев, В. Распутин, Ю. Яковлев, Ю. Томин, В. Солоухин, Р. Погодин, В. Мошковский, Н. Внуков, В. Голявкин, В. Драгунский, В. Железников и многие, многие другие. Это были приверженцы так называемой психологической прозы, которой прославились писатели шестидесятники. Каждое их произведение, даже рассказ, становилось событием, не имеющим срока давности. Все они в «маленьких часиках» рассказа разглядели большое время и попытались через искусство слова ответить на вечные вопросы бытия.

Когда-то писатель Владимир Солоухин в капле росы увидел солнце и написал об этом книгу. О каких бы проблемах школьной жизни писатели ни говорили, о милосердии или жестокости, о добре или зле, о чести или бесчестии, — все они так или иначе выходили на разговор о совести. Их произведения, актуальные для своего времени, не только не устарели, но ещё больше актуализировались для сегодняшнего дня с его культом потребления, денег и размыванием нравственных ценностей. Как заметил Андрей Кураев, автор учебника «Основы духовной культуры народов России», задача состоит в том, *«чтобы ребёнок научился реагировать не только на боль в пальчике, но и на болевой укол своей совести»*.

Виктор Голявкин так и назвал один из своих рассказов о школе «Совесть». Это смешной и одновременно грустный рассказ, как и многие произведения этого писателя. Герой данного рассказа — школьник Алёша. Забавно в начале рассказа следить за переживаниями мальчика, тайком взявшего классный журнал со стола учителя, чтобы похвастаться дома первой в жизни пятёркой, полученной за пение… и забывшего его в трамвае, когда возвращался из школы домой. Правда, характер его переживаний к концу рассказа заметно меняется. Это вызвано пониманием им переживаний старенького учителя, связанных с исчезновением журнала: в пропаже журнала учитель обвинял себя, свою забывчивость, что приводит его к печальной мысли ухода из школы. Его решение стало особенно твёрдым, когда в класс пришла кондукторша трамвая и принесла забытый там кем-то журнал. Алёша тут же признался в своём дурном поступке, но учитель подумал, что мальчик просто сочувствует ему и потому берёт вину на себя. И лишь придя к учителю домой, Алёша смог убедить его, что виновником исчезновения журнала является не учитель, а сам Алёша. Поверив ему, учитель, вместо того, чтобы отругать, погладил Алёшу по голове и сказал, «*Ты ещё не совсем потерянный человек»*. Признание мальчиком зла, причинённого им учителю, обернулось не наказанием, как он ожидал, а поддержкой. Учитель и ученик оба заплакали. Почему? Этот вопрос и поставлен нами в центр обсуждения с читателями этого рассказа. Главное здесь, что мальчик

эмоционально прочувствовал переживания учителя, сумел разделить его печаль. Вот почему он так упорно доказывал свою вину. Своим признанием, проснувшейся совестью, он утешил старого человека, поддержал его правдой раскаяния.

А вот рассказ Владимира Солоухина «Ножичек с костяной ручкой». Сюжет построен на воспоминании автором художественно отработанного случая из его собственного детства. Когда ему было восемь лет, и ходил он во второй класс, привезли ему из Москвы красивый перочинный ножичек с костяной ручкой и зеркальными лезвиями. Он стал для мальчика настоящим сокрови-

щем, и он широко его использовал в своих мальчишеских делах. Мальчик всегда носил его в сумке. И вот однажды в сумке ножичка не оказалось. Он обнаружил это на уроке. И первая мысль, какая пришла ему в голову, что ножичек украли. Он сказал об этом учителю. В классе начался допрос — кто взял ножичек. Но никто не признался. Не дала искомый результат и проверка сумок учеников. И в тот момент, когда уже почти все ученики были проверены, ножичек выскользнул из тетрадки хозяина. Этот факт ошеломил мальчика. Вместо радости начались его терзания. Он не знал, как ему поступить: сознаться, что ножичек нашёлся, или промолчать. Ему проще было промолчать, но тогда останется впечатление, что в классе есть воришка. Из-за несчастного ножичка обыскали учеников, ставили их в унизительное положение, сорвали урок. Хоть и неосознанно, но мальчик причинил классу зло. Признаться, что ножичек нашёлся, значит поставить себя под удар, вызвать гнев и учеников, и учителя. И всё-таки он выбрал второе, чем вызвал возмущение всех присутствующих. Учитель выгнал его из класса. И вместо того, чтобы бежать ему домой и выплакаться там, он встал около дверей школы, готовый на добровольную казнь себя — выслушивать упрёки проходящих мимо его одноклассников: «Эх ты!». В центре обсуждения рассказа дилемма: как поступить — выгородить себя, поставив под удар класс, или снять с класса позор ценой собственного унижения. Мальчик выбирает второе: совесть не позволила ему промолчать о находке, то есть солгать, хоть и хотелось ему, чтобы и ножичек, и он сам «*провалились бы сквозь землю*».

В рассказе Анатолия Мошковского «Вызов на дуэль» совесть главного героя сработала не сразу вслед за его неблаговидными поступками. Раскаяние пришло к нему много лет спустя при воспоминании о школе, одноклассниках и о самом себе по отношению к ним. О роли памяти, которая, как и совесть может «грызть» человека, если в этой «копилке опыта» всплывают события, за которые человеку стыдно, не раз говорил в своих статьях и выступлениях Д. С. Лихачёв.

В рассказе показано противостояние двух сил, которые столкнулись между собой в классе — силы добра и силы зла. Сила добра представлена писателем в образе маленького, тщедушного, физически слабого, но внутренне сильного Пети, объявившего дуэль из рогаток холодному, бездушному однокласснику, выставлявшему Петину подружку на посмешище в школе. Десятки ребят хохотали, когда ничего не подозревавшая умная Верка, которую нынешние ребята назвали бы «ботаником», ходит по школе сначала с приклеенной на спине табличкой «Я дура», а на следующий день с надписью «Ищу жениха». Но писателю, как и читателю не смешно, ибо затем и написан рассказ, чтобы показать жестокость подобных шуток и человека, осмелившегося вступиться за честь девочки, вызвав автора злых шуток на дуэль и одержавшего победу. Победа слабого и поражение сильного в дуэли закономерны. Победа Пети — это победа правды и высоты стремлений — защитить честь своей одноклассницы. Этим он сдал экзамен на звание быть человеком. Это был его шаг к взрослости, если понимать взрослость как серьёзное и ответственное отношение к жизни. Победа Петьки вызвала возмущение поверженного шутника и хохот над ним одноклассников. Примечательна последняя строчка рассказа: *«Я был убит на дуэли, и, как я понял это позже, был убит по заслугам».*

Аромат багульника

Рассказы о школе — это не только рассказы об учениках и их взаимоотношениях, не только об их духовном мире, в котором главенствующее место занимает совесть, но и об учителях — их радостях и страданиях. Говоря о рассказе В. Голявкина «Совесть» мы уже коснулись темы учителя, его самосознания. Однако там эта тема в рассказе носит вспомогательный характер. В рассказе Юрия Яковлева «Багульник» роль молодого учителя, вернее учительницы Евгении Ивановны, которую дети между собой называли Женечка, одна из основных. Она показана через взаимоотношения с учеником Костей. Этот ученик её раздражал тем, что зевал на уроках. Ей казалось, что он зевает от скуки. Выяснить причину у такого «молчальника», каким был он, ей не удавалось. *«Никто не знает, что у них молчальников на уме — плохое или хорошее».* Дети и сама Женечка посмеивались над ним.

Как-то раз он принёс в класс пучок тонких прутиков и поставил в банку с водой. Их кто-то из школьников использовал в качестве веника, но Костя отнял «веник» и снова поставил в воду. Но однажды прутики зацвели маленьким светло-лиловыми цветами и из почек прорезались листья. Это бы багульник. Среди зимы улавливались в классе его тонкие ароматы, которые радовали.

Но одно оставалось тайной: почему Костя стремглав по последнему звонку, как по сигналу ракеты, мчался из школы. Учительница стала присматриваться к нему и решила разузнать о его жизни побольше. Оказалось, что он, покинув школу, устремляется к собакам, которые ждали его. Это были собаки чужих хозяев, которые по тем или иным причинам не могли ухаживать за своими питомцами — уехали, заболели или погибли. Эти обязанности и взял на себя Костя. Он бескорыстно заботился об этих брошенных существах. Учительница, выследившая Костю после уроков, увидела, как он кормит и выгуливает собак. Совсем другими глазами она посмотрела на своего ученика. Как «прутики» багульника, так и душа самой учительницы по отношению к Косте преобразилась, превратилась в зрячую.

Это рассказ о том, как учитель учится у ученика доброте и сердечности, ответственности за порученное ему де-

ло. Странный молчальник открылся учителю светлой стороной своей души, как и она открылась ему способностью понимать его и проявлять милосердие к тем, кто нуждается в этом больше всего. Поняв своё ошибочное первоначальное отношение к Косте, она смогла повернуть в добрую строну и отношение к нему всего класса. От посмеивающегося отношения к этому мальчику не осталось и следа.

Читая этот рассказ в ряду других рассказов о школе прошлых лет, читатели наверняка вспомнят и проведут аналогии с рассказом Юрия Нагибина «Зимний Дуб», Валентина Распутина «Уроки французского», Анатолия Алексина «Третий в пятом ряду», «Безумная Евдокия». В каждом из них выпукло и любовно показан образ учительниц, способных интуитивно проникать в души своих учеников и учиться у них душевной тонкости, понимать неправоту своих первоначальных представлений о них.

Важно заметить, что в этих и других рассказах система взаимоотношений учителей и учеников в классе, построена не по принципу «учитель-ученик», а по принципу «человек-человек». Этот принцип предполагает, что воспитание детей в классе начинается с воспитания самого учителя. «*Если же поймёшь,* — писал Лев Толстой, — *что воспитание других мы можем только через себя, то упраздняется вопрос о воспитании вообще, и остаётся один вопрос жизни: как надо самому жить».*

Я могла бы ещё и ещё приводить примеры как образов учителей российских школ середины и конца 20 века, так и учеников. В моей книге «Добру откроем сердце: школа развивающего чтения» помещено 57 рассказов, добрая половина которых повествует о школе. О том, что нынешние школьники по совету библиотекарей собранные мной рассказы читают, свидетельствуют многочисленные отзывы детей и взрослых на эти рассказы, которые я получаю.

Парадокс сострадания

Говоря о рассказах о школе не могу удержаться, чтобы не привести ещё один, меня очень тронувший. Это рассказ Елены Перехвальской «Сострадание Швабрину». Он не столько о совести, сколько о близком к нему понятии — милосердие. Одновременно это рассказ и о воспитании через чтение, минуя учителя. Читатели «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, наверняка запомнили Швабрина, которого Гринёв называется «гнусным злодеем». А на уроке литературы, о котором рассказывает писательница, Лена Ланская призналась, что в конце повести поседевший после пыток Швабрин вызвал у неё жалость. Разгорелся спор: достоин Швабрин сострадания или нет? Если вспомнить все подробности рассказа, то при всей «гнусности» образа Швабрина была в его жизни минута, когда на суде по делу Гринёва у него возникли тормоза, не позволившие ему произнести имя Марьи Ивановны, дочери Белогорского коменданта. Его безответная любовь к

ней — вот что девочкам, вставшим на его защиту, показалось основанием для сострадания ему. Они готовы многое ему простить, отнеся любовь к его нравственным заслугам.

Девочки стремились логически обосновать: достоин Швабрин жалости или нет. Однако они не учли одного: чувства обосновать логически невозможно. Они есть или нет. Чувства называют высшим разумом. Противоречие, какое обнаружилось у школьниц по отношению к Швабрину, — это противоречие самой жизни. Пушкин, говоря о себе в стихотворении «Памятник», писал: *«И милость к падшим призывал».* Осудить Швабрина проще всего, тут есть материал для доказательств, а пожалеть этого падшего человека, проникнуться к нему сочувствием — этого не подтвердишь фактами, оно внутри читателя. В рассказе Перехвальской — оно внутри Лены Ланской и всех, кто её поддержал. Сострадать человеку — совсем не значит отрицать его вину. Рассказ интересен тем, что чтение явилось для школьниц ключом к решению их собственных нравственных проблем.

Зеркало для ребёнка

Чтобы не создавать впечатление елейности от портрета школьников советского времени, глядя правде в глаза, надо сказать, что и тогда дети по духовному наполнению были разные. В одном из своих интервью писатель Владимир Железников сказал: *«Когда я пришёл в детскую литературу, я считал детей замечательными созданиями. Потом по мере того, как я делался старше, я увидел, что дети, как и взрослые тоже обладают отрицательными свойствами характера... И тогда у меня появилось желание показать детям, какие они на самом деле, чтобы они увидели себя».* Закричать об этом во весь голос он сумел в повести «Чучело», которую до сих пор обсуждают в школах из-за её актуальности. В ней показано бесчеловечное верховодство в классе «Железных кнопок» при молчаливом попустительстве одноклассников и взрослых, делающем чистосердечных личностей как Лена Бессольцева изгоями.

Отражены подобные школьники и в рассказах для детей. Одино из них — Алфред из рассказа Радия Погодина «Алфред». Схож с ним Коля Боков из рассказа Юрия Томина «Шутка». Класс не принял подлеца в свои ряды, и ему пришлось покинуть школу. Есть произведения и об издёвках одноклассников над новенькими учениками в классе. Примером такого может служить рассказ Николая Внукова «Новенький». Ближе к 90-м годам писательницей Галиной Шербаковой замечено такое небывалое явление в школе как «дедовщина» — унижение старшими школьниками младших.

Литературу о нравственности мало просто пересказать, или ограничиться сюжетами, как сделала я, её необходимо пережить. Знать и пережить — это принципиально разные психологиче-

ские явления. Только пережитые произведения искусства способны оставить зарубку на сердце и сохранить её на всю жизнь.

Приведённые мной примеры о законах нравственности, отражённых в литературе о школе прошлого полувека, коренным образом противоречат нынешней системе школьного образования и воспитания. Неэффективность сложившейся в России в начале XXI века образовательно-воспитательной системы породила чуждые национальному менталитету элементы жестокости, социальной агрессии, вызвала к жизни у детей и взрослых новые цели, ограниченные лишь материальными ценностями. Современная литература о школьной жизни воскресила тему «принцев и нищих», сидящих за партами. Опыт показывает, что блага цивилизации в виде электронных информационных технологий и личного комфорта не преобразуются в блага духовной культуры и порой несут в себе не гуманное, а антигуманное содержание, противоречащее традиционным нравственным устоям. Страдают этим и большинство произведений современной массовой литературы, адресованной детям. Разрушающее действие на систему ценностей детей и подростков оказывает реклама, с её клише, адресованной молодым: «Я этого достойна». Через рекламу предлагается не только товар, но и определённая система ценностей, образ жизни, противоречащий традиционной модели поведения, идет переориентация детей от нематериальных ценностей к материальным. Она становится идеологией потребления, а школа — местом образовательных услуг, предоставляемых учителем. Реклама стала идеологией потребления, а не культуры. Как пишет психолог и публицист Т. Л. Шишова: *«Возросшая нынче детская демонстративность нередко отличается бесстыдством. Интересы подростков, лексика, игры вульгарно сексуализированы, их манеры и внешний вид говорят не просто о желании выделиться, а о желании выделиться своей распущенностью».*

К развитию эгоизма, «атомизации» детей, ведут и ограждения детей от проблем сопереживания, отчего типичными стали слова «не грузи меня», «это твои проблемы». Современная система образования ориентирована на компетенции выпускников, то есть на их знания, умения и навыки, а не на нравственный облик выходящих во взрослый мир молодых людей. Противоречит воспитанию нравственности и внедренная в образование система ЕГЭ, по формальным показателям которой оценивается школа, регион, губернатор. Как пишет в статье «Метаморфозы СМИ: новые качества и новые болезни» (Социологические исследования, 2010, №7) известный культуролог и ректор Гуманитарного университета профсоюзов Санкт-Петербурга А. С. Запесоцкий: *«Обществу навязан “новорусский” вариант культуры, где нет места таким ценностям, как труд, честь, дружба, любовь, долг, уважение к истории, почитание старших»*. Пишут об этом и сами школьники. Вот одно из таких высказываний ученицы престижной школы, помещённое в «ВКонтакте»: *«Нас никогда не учили самому главному: как ладить с людьми, как прощать, как дружить, как любить, как жить».*

Можно было бы ещё многое добавить, говоря о негативной стороне современной системы воспитания школьников, исходящей из нашей общественной жизни и её идеологии. Но важнее, наверное, сказать о тех позитивных тенденциях в возрождении духовных ценностей, ростки которой, как сквозь асфальт пробиваются к солнцу. Вопреки анатомизму растёт в подростковом возрасте волонтёрство, возрождающее дела тимуровцев и сплачивающие участников, возникают общественные организации в среде подростков. Большие возможности для этого открывает «Российское движение школьников РШД», созданное по Указу Президента В. В. Путина. В этом движении реализуется потребность школьников друг в друге. Сегодня, когда у подростков и юношества огромный дефицит личного общения, поскольку они общаются друг с другом большей часть виртуально, необходимость личных контактов очень возросла, как и стремление к общему делу.

Заканчивая свою статью, я хочу рассказать о реализованном проекте общего дела одноклассников, с которым я познакомилась на X Всероссийском форуме школьных библиотекарей «Михайловское-2017», прошедшем 3–7 июля этого года. Дело это называется «Книга Класса». Это объединение творческого потенциала учеников старших классов, учителей и родителей, выраженное в создании общей книги о своём классе, самых ярких и интересных событиях школьной жизни одноклассников и участия в ней взрослых. Работа над таким проектом — это возможность запечатлеть памятные события класса, выстроить коммуникацию — важнейший навык для современности. Вот что пишет об этом проекте учитель русского языка и литературы ГБОУ СОШ №6 Василеостровского района Санкт-Петербурга К. В. Мироник: *«Здесь важно, что дети сами пишут друг о друге. Мы сталкиваемся с личностями, умеющими ценить других — не только себя. Здесь классный руководитель, учителя и родители выстраивают грамотную коммуникацию — важнейший навык для современности»*. Как отмечают другие учителя, за время работы над проектом дети стали взрослее, сплочённее, научились работать в команде. Авторы Книги поняли, что это замечательная возможность сохранить память друг о друге, о классе в целом не только в своих сердцах — это память о них, сегодняшних, выраженная в слове. Они пишут: *«Эта память, которая останется с нами на всю жизнь, это то, что мы с гордостью будем передавать в семье своим будущим поколениям»*. «Книгу класса» издало московское издательство «РИПОЛ». Генеральный директор издательства С. М. Макаренков привёз тираж в Михайловское и каждый участник Форума мог подержать книгу в руках и получить её бесплатно. Как сказал издатель, начало положено! Продолжение следует! Пожелаем авторам зелёной улицы.

С автором можно связаться:
next84@list.ru

Размышления о детской литературе советского периода и актуальности её для современного читателя.

Детская литература, литература для школьников, литературные традиции, педагогика

The author reflects on the children’s literature of the Soviet period and its relevance to the modern reader.

Children’s literature, literature for schoolchildren, literary traditions, pedagogy

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

Властительница дум юного поколения

Жизнь и книги Лидии Чарской

В её судьбе, как в капле воды, отразилась судьба целого поколения тех, в чью жизнь вторглась Октябрьская революция. По особому приказу сверху её книги были уничтожены как «враги революции», ибо *«проповедовали тенденции, не способствующие революционному развитию».* Её имя — Лидия Чарская.

В НАЧАЛЕ XX века её называли «властительницей дум юного поколения». Её книги выходили миллионными тиражами. Однажды детская библиотека опубликовала данные о её фантастической популярности: за год книги Жюля Верна спрашивались 232 раза, а книги Чарской — 790 раз!

Хотя на лавры великого литератора она никогда не претендовала, считала себя рядовой детской писательницей. В её книгах всегда много пылких детских чувств (взрослые называют их бурей в стакане), разочарований и слёз (взрослые отмахиваются — пустое!), но всегда хороший конец. Критики ужасались — дидактика, нравоучение! Но дети читали взахлёб. Она получала мешки пылких писем со всей России, а потом, когда книги стали переводить на другие языки, и со всей Европы. Мало кто писал в Петербург на улицу Разъезжую, адресовали просто — Россия, Чарской. И письма доходили!

И вот теперь она сидит на той же Разъезжей, но не в квартире на третьем этаже, направо от парадной лестницы, а в полуподвальной дворницкой.

Весной 1926 г. к Чарской неожиданно зашли три девочки из соседней школы. Сытенькие, ухоженные дети партработников. Потому и такие бойкие. Ничуть не стесняясь, рассказали, что в школе устраиваются литературные суды. Дети судят буржуазных героев — Онегина, Печорина, Чацкого. Вчера судили героинь её книг — Люду Влассовскую и Нину Джаваху из «Записок институтки» и «Княжны Джавахи». Приговор вынесли по полной программе: дворянское происхождение, морально разлагающий буржуйский быт, недостойные строителей революции чувства. *«Но ведь героини дружили, делились сокровенным, защищали друг друга,* — попыталась вступиться Чарская. — *Это же самые нужные чувства!»* — *«Нет!* — хором отрезали две девочки. — *Нужно было устраивать революцию!»* И только третья девочка молчала.

Тут пришёл с работы на обед муж Чарской. Стесняясь, торопливо проглотил пустую похлебку и ушёл. *«А что же вы не дали ему второе?»* — поинтересовались девочки. Чарская виновато развела руками: *«Я не успела…»* Не говорить же детям про нищету.

Лидия Алексеевна в изнеможении оперлась о край стола и вдруг почувствовала, что под клеёнкой что-то хрустнуло. Сунула руку — деньги. Выходит, пока одни обличают её на «судах», другие всё же помнят её книги. Наверное, деньги сунула та самая, сконфузившаяся. Значит, когда-то и она зачитывалась её книгами. Боже, неужто было это?! И она, писательница Чарская, помогала неимущим, устраивала благотворительные вечера? А вот теперь ей сунули милостыню…

Как непредсказуема жизнь! Лида Воронова (именно такой была ее родовая фамилия) родилась в Царском Селе 19 января 1875 г. и с восторгом обожала мир, наполненный поэзией Пушкина и волшебными историями, которые рассказывала мама. Но когда Лиде было 6 лет, сказка кончилась — мама умерла. Отец, военный инженер, перевёлся на Кавказ, забрав дочь с собой. Но потом его вернули в Россию, в Шлиссельбург, и он вновь женился. Так у Лиды появилась мачеха, постоянно кричавшая на падчерицу: «Дрянь! Гордячка!» От её злобы девочка убежала из дома. Конечно, её нашли. Вердикт отца был суров: строптивицу отдали в Павловский женский институт в Петербурге. Семь лет, с 1886 по 1893 год, Лида провела там, не встречаясь с родными, не выходя в большой мир. Сначала считала институт тюрьмой, потом освоилась, привыкла к жёстким законам, а под конец даже полюбила. Да и как не полюбить? Институт стал её единственным домом, а подруги и учителя — семьей.

Потом был торжественный выпускной вечер, когда оробевшую Лиду отвезли в Зимний дворец, где государыня Мария Фёдоровна самолично вручила ей золотую медаль. А после выпуска предстояла большая жизнь. Но какая? Вернуться к отцу? Лида давно смирилась с его вторым браком, но жить в этой семье не хотела. И судьба смилостивилась над гордой девушкой: блестящий офицер, балагур-весельчак Борис Чурилов, сделал ей предложение. Восемнадцатилетняя Лида его приняла. Отчего же брак не сложился? У Лиды родился сын Юрий, и юная мать жила в постоянных хлопотах. А вот весельчак Чурилов этими свалившимися заботами был ошарашен. Вскоре он оформил перевод по службе и отбыл из Петербурга навсегда. Молодая мать осталась одна с ребёнком на руках.

И что было делать? Просить денег у отца с мачехой? О нет, Лидия была горда, решив ни от кого не зависеть. Но у неё же не было никакой профессии. Оставалось одно — сцена. Конечно, дамы её круга не шли в актрисы, но яркая, темпераментная сероглазая красавица Лида настояла на своём. Её приняли на

драматические курсы при Императорском театральном училище, потом и в Александринский театр. Вот только фамилию предложили сменить. Лидия не решалась, но однажды ночью в е голове прозвучал чей-то голос, словно её окликнули: «Чарская!» Девушка вздрогнула и поняла: она больше не Чурилова, она — Чарская, от слов «чары», «очарование»!

Но опять — увы… Чтобы играть первые роли, необходим богатый и влиятельный покровитель. Однако первый же сановный старец, сунувшийся к Лидии, получил от ворот поворот. Словом, несмотря на талант и красоту, ей достались только вторые роли. А на них трудно прожить с ребёнком на руках…

Вот тогда-то Лидия и вспомнила свое детское увлечение — с 10 лет она сочиняла стихи и сказки, всё время обучения в институте вела дневник, записывая туда все свои переживания. *«Почему у других не бывает таких странных мечтаний, какие бывают у меня?* — недоуменно написала она в дневнике в 15 лет. — *Почему я переживаю всё острее и болезненнее, чем другие?»* Так пусть же теперь все эти переживания послужат на благо!

Лидия Чарская записала свои детские воспоминания и отнесла книгу «Записки институтки» в «Задушевное слово» — журнал для детей младшего и среднего возраста. «Записки» вышли в 1902 г. и принесли молодой писательнице феерическую славу. Ну кто бы мог подумать, что закрытая жизнь институток будет столь интересна обычным юным читателям? Но с тех пор Чарская стала ведущим автором журнала.

Она не выдумывала сюжетов, писала, о чём хорошо знала: о школьных годах и первых чувствах, о сиротской доле и одиночестве, о Кавказе, где провела детские годы. Она сочиняла сказки для маленьких и исторические романы для

Лидія Алексѣевна Чарская, авторъ повѣстей: «Записки институтки», «Княжна Джаваха», «Записки сиротки», «Товарищи» и др.

(Фотографія Императорскихъ Спб. театровъ).

взрослых (например, о кавалерист-девице Дуровой). За 15 лет она написала больше 80 романов — почти по 6 шесть книг в год. К тому же приходилось иг-

рать, пусть и маленькие роли, но чуть не каждый вечер. Она была трудягой! И вот нахлынувшая революция объявила её «буржуйкой, жирующей на теле трудящихся».

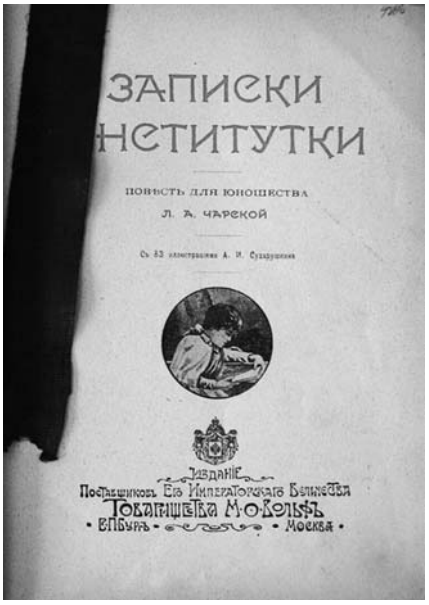
В 1924 г. её уволили из театра после 20 лет беспорочной службы. Но самое ужасное, её книги изъяли из всех библиотек, ибо они *«защищают устаревшие устои и не способствуют революции»*. Конечно, не способствуют! Они же о доброте, терпимости, простом жи-

тейском счастье. Но теперь всё это объявлено пошлостью и мещанскими пережитками. Правдами и неправдами после революции ей удалось опубликовать только четыре романа, и то под псевдонимом «Н. Иванов». Она была самой востребованной детской писательницей России, а теперь стала безликим Ивановым, словно Лидии Чарской и не было!..

Конечно, её ругали и до революции. Одна статья К. Чуковского чего стоит! Он жестоко иронизировал и над сентиментальными сюжетами, и над языком её книг. Но ведь сюжеты о девочках не могут быть не сентиментальны. Ну а гладкость языка откуда взять при таком потоке? Ведь ей нужно было зарабатывать деньги! Издатели платили ей только за сдачу книги, никаких денег за переиздания (а их были тысячи!) она не получала. И между прочим, когда сказки самого Чуковского критики стали разбирать по косточкам, получилось, что и они — *«безобразно не литературны»*.

Но теперь Чарская предана не просто литературной, но и гражданской анафеме. Её книги оклеветаны, впрочем, как и весь тот мир, о котором она писала, — мир институток и школьных балов, тихих семейных вечеров с чаепитием под мирно гудящий самовар, первой и робкой любви.

Но вчера на трамвайной остановке Лидия Алексеевна, которой запрещено называться Чарской, вдруг увидела, как у девчушки лет четырнадцати из-под



порвавшейся газетной обертки выглянула обложка её старой книги. Значит, всё-таки кто-то тайно хранит запрещённую литературу, читает про глупые чувства, хотя в стране уже давно провозглашена «свобода любви и нравов». Значит, кому-то ещё дорог хрупкий ушедший мир любви и нежности.

Как Лидия Чарская прожила оставшиеся годы горя и нищеты, малоизвестно. Её сын Юрий погиб на Гражданской войне. О её втором муже, с которым она прожила послереволюционные годы, ничего не известно, даже его имя. Из скупых воспоминаний современников мы знаем, что худая, старая писательница ходила зимой и летом в старомодном сером пальто, превратившемся с годами в чёрное. Она почти ничего не ела — еду отдавала мужу. Но у власти ничего не просила — так и осталась гордой. Иногда её узнавали, удивляясь: «Неужели ещё жива?» Но она выдержала ещё 20 лет унижения, клеветы, а потом и полного забвения. Тихо умерла в 1937 году. День смерти известен не точно — скорее всего, 18 марта. Где похоронена, доподлинно неизвестно — кажется, на Смоленском кладбище в Петербурге. Но вот что удивительно: скромная могилка, ей приписываемая, не была забыта. Кто-то регулярно приносил цветы, ухаживал. Выходит, никакие запреты властей не способны стереть из памяти народа любимые имена.

Вернулись стихи Мандельштама, «маленькие песенки» Вертинского, «тихо-загадочные» картины Борисова-Му-

Л. А. Чарская у себя на дачѣ въ Сестрорѣцкѣ за чтеніемъ.

сатова. XXI век вспомнил и о Чарской. Её книги вдруг стали печататься. И как ни странно, их стали читать взрослые. Оказалось, что после всех революционных сломов люди истосковались по простым, светлым, сентиментальным чувствам. Может, ради этого Лидии Чарской и стоило преодолеть все ужасы своей судьбы?..

* http://www.akirama.com/2017/10/13/8569/

О жизни и творчестве Лидии Чарской, русской детской писательнице, поэтессе и актрисе.

Лидия Чарская, литература для детей, русская литература, детское чтение

The article is devoted to the life and work of Lydia Charskaya, a Russian children's writer, poetess and actress.

Lydia Charskaya, literature for children, Russian literature, children's reading

МИХАИЛ ПАВЛОВЕЦ

Что читали советские школьники*

Как проводили уроки литературы наши родители, бабушки и дедушки, какие книги их заставляли читать — и зачем это было нужно

У КАЖДОГО ПИСАТЕЛЯ есть своё лобби в академических и педагогических кругах; те же авторы, что при жизни претендуют на статус классиков, могут лично принять участие в борьбе за право оказаться в учебнике. Возникло даже понятие «школьный канон» — это тоже список, иерархически организованный и производный от национального литературного канона. Но если большой национальный канон формируется самими механизмами культуры, то список обязательного чтения для школьников составляется иначе. Так, на отбор конкретного произведения для школьного канона, помимо общепризнанной художественной и культурно-исторической ценности, влияет:

- возраст читателя, то есть то, кому оно адресовано (школьный канон делится по читательским группам — учебным классам);
- наглядность воплощения в нем литературных или общественных явлений, которые изучают в школе (при этом средние прямолинейные произведения могут быть куда удобнее шедевров);
- воспитательный потенциал (каким образом заложенные в тексте ценности, идеи, даже его художественные особенности могут благотворно повлиять на сознание школьника).

В СССР школьный канон стремился к неизменности и при этом постоянно менялся. Программы по литературе разных лет — 1921, 1938, 1960 и 1984 годов — отражали все происходившие в стране изменения, а также процессы в самой литературе и системе образования.

1921 год

Внимание к ученику и отсутствие жёсткого регламента

Военный коммунизм постепенно закончился, и началась эпоха нэпа. Новое правительство считало образование одним из приоритетных направлений своей деятельности, но кардинально перестроить дореволюционную систему обучения не позволял начавшийся после революции кризис. Положение «О единой трудовой школе РСФСР», которое гарантировало всем право на бесплатное, совместное, внесословное и светское образование, вышло еще в октябре 1918 г., и только в 1921 году появилась первая стабилизированная программа. Она делалась для школы-девятилетки, но из-за отсутствия в стране денег на образование и общей разрухи обучение пришлось сократить до семи лет и поделить его на две ступени: третий и четвертый годы второй ступени соответствуют последним двум выпускным классам школы.

Состав программы

Список книг в основном повторяет дореволюционные гимназические программы

Количество часов

Не регламентируется

Авторы

Специалисты Государственного ученого совета (ГУСа) Наркомпроса

III год второй ступени

- Устное поэтическое творчество: лирика, старины, сказки, духовные стихи
- Старинная русская письменность: «Слово о полку Игореве», «Повесть о Юлиании Лазаревской»; повести о Ер-

Традиционно главным результатом изучения литературы в школе считается освоение книг, входящих в так называемый национальный литературный канон. Чьи имена и произведения должны там быть?

Михаил Георгиевич Павловец, доцент школы филологии факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ, кандидат филологических наук

* http://arzamas.academy/mag/412-school

ше Ершовиче, о Горе-Злочастии, о Савве Грудцыне, о Фроле Скобееве
- Михаил Ломоносов. Лирика
- Денис Фонвизин. «Недоросль»
- Гаврила Державин. «Фелица», «Бог», «Памятник», «Евгению. Жизнь Званская»
- Александр Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву» (избранные главы)
- Николай Карамзин. «Бедная Лиза», «Что нужно автору?»
- Василий Жуковский. «Теон и Эсхин», «Камоэнс», «Светлана», «Невыразимое»
- Александр Грибоедов. «Горе от ума»
- Александр Пушкин. Лирика, поэмы, «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Повести Белкина»
- Михаил Лермонтов. Лирика, «Мцыри», «Демон», «Герой нашего времени», «Песня про купца Калашникова»
- Николай Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Шинель», «Портрет», «Ревизор», «Мертвые души»
- Алексей Кольцов, Евгений Баратынский, Фёдор Тютчев, Афанасий Фет, Николай Некрасов. Избранные лирические стихотворения

IV год второй ступени

В 1921 г. Государственный учёный совет Наркомпроса представил в «Программах для I и II ступени семилетней единой трудовой школы» первый ста-

бильный список после неразберихи списков пореволюционных. Работой по созданию программы по литературе руководил литературовед и лингвист Павел Сакулин, и в ней отчётливо проглядывают идеи, обсуждавшиеся в педагогической среде незадолго до революции, в частности в 1916–1917 гг. на I Всероссийском съезде преподавателей русского языка и словесности. Сакулин произвёл в своей программе многие принципы, сформулированные на этом съезде: вариативность в обучении (четыре варианта программы вместо одного с четырьмя соответствующими списками произведений), внимание к интересам и потребностям не только учите. Основу программы составляла в основ-

ном русская литературная классика XIX столетия, тогда как литература предыдущих веков, а также только зарождающаяся советская литература занимали в ней довольно скромное место.

Задача одолеть этот список целиком не ставилась — для составителей программы были куда важнее эмоциональное восприятие и самостоятельное осмысление школьниками прочитанного.

«Внимание учащихся, конечно, всё время фиксируется на тексте самих произведений. Занятия ведутся индуктивным методом. Пусть учащиеся прежде узнают Рудина и Лаврецкого, а потом уже о философских настроениях русской интеллигенции, о славянофильстве и западничестве; пусть прежде сживутся с образом Базарова, а потом услышат о мыслящих реалистах шестидесятых годов. Даже биография писателя не должна бы предварять непосредственного знакомства учащихся с произведениями. В школе II ступени нет возможности стремиться к исчерпывающему изучению историко-литературных направлений. Если понадобится, пусть преподаватель исключит из предлагаемого ниже списка те или другие произведения, даже того или другого писателя. Ещё раз: non multa, sed multum . И главное, в центре — сами художественные произведения».

Литературное образование, тесно связанное с дореволюционным, вряд ли могло устроить идеологов партийного государства, в котором литература наряду с другими видами искусства должна служить пропаганде властной идеологии. К тому же программа изначально имела ограниченную сферу распространения — и потому, что в стране было мало школ II ступени (большинство выпускников I ступени пополняли ряды пролетариата или крестьянства), и потому, что во многих регионах были свои собственные образовательные программы. Уже через несколько лет она потеряла силу регулирующего документа, оставшись памятником отечественной гуманитарной и педагогической мысли.

1938 год

Учитель и учебник — единственные источники знаний

Между программами 1921 и 1938 г. лежит такая же пропасть, как между революцией и последними предвоенными годами. Смелые поиски 1920-х гг. в самых разных областях науки, культуры и образования постепенно сошли на нет. Теперь задачей науки, культуры и образования стало строительство сверхиндустриального и милитаризированного тоталитарного государства. В результате чисток и политических репрессий кардинально изменился и состав тех, кто руководил изменениями в образовании и культуре.

Состав программы

80% русской классики, 20% советской литературы

Количество часов

474 (с 1949 г. — 452)

Авторы

Специалисты Управления средней школы (УСШ) Наркомпроса

8-й класс
- Устная народная поэзия (фольклор)
- Русские былины
- «Слово о полку Игореве»
- Михаил Ломоносов. «Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны», «Разговор с Анакреоном»
- Гаврила Державин. «Фелица», «Приглашение к обеду», «Памятник»
- Денис Фонвизин. «Недоросль»
- Александр Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву» (отрывки)
- Николай Карамзин. «Бедная Лиза»
- Василий Жуковский. «Светлана», «Теон и Эсхин», «Лесной царь», «Море», «Я музу юную, бывало…»
- Кондратий Рылеев. «К временщику», «Гражданин», «Ах, тошно мне…»
- Александр Грибоедов. «Горе от ума»
- Жан-Батист Мольер. «Мещанин во дворянстве»

- Александр Пушкин. Лирика, оды, «Цыганы», «Евгений Онегин»
- Виссарион Белинский. «Сочинения Александра Пушкина»
- Джордж Гордон Байрон. «Паломничество Чайльд-Гарольда» (отрывки)
- Михаил Лермонтов. Лирика, «Герой нашего времени»

9-й класс, 10-й класс

К 1923–1925 гг. литература как предмет исчезла из учебных планов, растворившись в обществоведении. Теперь литературные произведения использовались в качестве иллюстраций к изучению общественно-политических процессов и явлений, чтобы воспитать подрастающее поколение в коммунистическом духе. Впрочем, во второй половине 1920-х гг. литература вернулась в сетку предметов — значительно обновлённой. Следующие пятнадцать лет программы будут шлифовать, добавляя произведения советской литературы.

К 1927 г. ГУС выпустил комплект стабилизированных, то есть неизменных в ближайшие четыре года программ.

У учителя всё меньше прав заменять одни произведения другими. Все больше внимания уделяется «общественным идеологиям» — прежде всего революционным идеям и их отражению в литературе прошлого и настоящего. Половина девятого, выпускного класса школы-девятилетки была отдана молодой советской литературе, только справившей свой десятилетний юбилей: рядом с Горьким, Блоком и Маяковским — имена Константина Федина, Владимира Лидина, Леонида Леонова, Александра Неверова, Лидии Сейфуллиной, Всеволода Иванова, Фёдора Гладкова, Александра Малышкина, Дмитрия Фурманова, Александра Фадеева, большинство из которых сегодня известны разве что старшему поколению и специалистам. Программа обстоятельно излагала, как трактовать и под каким углом рассматривать то или иное произведение, отсылая за правильным мнением к марксистской критике.

В 1931 г. был подготовлен проект другой стабилизированной программы, ещё более идеологически выверенной. Однако сами тридцатые годы с их потрясениями и постоянным авралом, чисткой элит и перестройкой всех начал, на которых держались и государство, и общество, не позволяли программам устояться: за это время сменилось целых три поколения школьных учебников. Стабильность наступила лишь в 1938–1939 гг., когда наконец была подготовлена программа, без особых изменений продержавшаяся до хрущёвской оттепели, а в основном своем ядре — и до сегодняшнего времени. Утверждение этой про-

граммы сопровождалось пресечением любых попыток экспериментировать с организацией учебного процесса: после признанных неудачными опытов с внедрением американского метода, когда учитель должен был не столько давать новые знания, сколько организовывать самостоятельную деятельность учеников по их добыче и применению на практике, система вернулась к традиционной, известной с дореволюционных времён классно-урочной форме, где учитель и учебник — основные источники знаний. Закрепление этих знаний осуществлялось по учебнику — единому для всех школьников. Учебник следовало читать и конспектировать, а полученные знания воспроизводить максимально близко к тексту. Программа жёстко регламентировала даже количество часов, отводимых на ту или иную тему, причем это время предполагало не подробную работу с текстом, но получение, заучивание и воспроизведение готовых знаний о тексте без особой рефлексии над прочитанным. Важнейшее значение в программе придавалось заучиванию наизусть художественных произведений и их фрагментов, перечень которых был также жёстко определён.

На совещании, посвящённом преподаванию литературы в средней школе, 2 марта 1940 г. известный педагог и учитель литературы Семён Гуревич высказал большие опасения по поводу нового подхода: *«Прежде всего одна большая неприятность у нас в преподавании литературы — это то, что преподавание стало трафаретом… Трафарет невероятный. Если выкинуть фамилию и начать рассказывать о Пушкине, о Гоголе, о Гончарове, Некрасове и т. д., то все они народные, все они хорошие и гуманные. Кем-то пущенное слово “изнародование” литературы заняло такое место в преподавании литературы, как несколько лет тому назад занимали эти социологические определения… Если несколько лет назад ребята выходили из школы с мнением, что Некрасов — это кающийся дворянин, Толстой — это философствующий либерал и т. д., то сейчас все писатели — такие изумительные люди, с кристальными характерами, с замечательными произведениями, которые только и мечтали, что о социальной революции»*.

В конце 1930-х гг. общий список курса литературы более чем на две трети совпадал со списком 1921 года. В основе всё так же были произведения русской классики, но главная задача этих произведений была переосмыслена: им предписывалось рассказать о «свинцовых мерзостях жизни» при царизме и вызревании революционных настроений в обществе. О том же, к чему привели эти настроения и каковы успехи построения нового государства рабочих и крестьян, повествовала молодая советская литература.

Отбор произведений определялся не только их безусловными художественными достоинствами, но и способностью встроиться в логику советской концепции литературного развития Нового и Новейшего времени, отражающей поступательное движение страны к революции, построению социализма и коммунизма. В 1934 г. школьное образование стало десятилетним и историко-литературный курс занимал уже три года вместо двух. Перед произведениями фольклора, русской и советской литературы стояла ещё одна важная воспитательная задача — давать образцы подлинного героизма, боевого или трудового, на которые могли бы равняться юные читатели. *«Показать величие*

русской классической литературы, воспитавшей многие поколения революционных борцов, огромное принципиальное отличие и морально-политическую высоту советской литературы, научить учащихся разбираться в основных этапах литературного развития без упрощенства, без схематизма — такова историко-литературная задача курса VIII–X классов средней школы».

1960 год

Сокращение часов и расширение списка: крушение надежд на обновление предмета

После разрухи военных и первых послевоенных лет наступило время жёсткого идеологического прессинга и кампаний: целые отрасли науки становились объектами репрессий, факты искажались в угоду идеологии (к примеру, превозносилось превосходство русской науки и её первенство в большинстве отраслей научного знания и техники). В этих условиях учитель превращался в проводника официальной линии в образовании, а школа — в место, где ученик подвергается идеологическому давлению. Гуманитарное образование все больше утрачивает свой гуманистический характер. Смерть Сталина в 1953 г. и наступившая следом оттепель сопровождались надеждой на изменения в стране — в том числе и в области образования. Казалось, школа обратит внимание на ученика и его интересы, а учитель получит больше свободы в организации учебного процесса и отбора учебного материала.

Состав программы

Треть курса отдана советской литературе, существенно сокращены древнерусская литература, литература XIX века и зарубежная литература

Количество часов

429

Авторы

Сотрудники Главного управления школ Министерства просвещения РСФСР

8-й класс

- «Слово о полку Игореве»
- Денис Фонвизин. «Недоросль»
- Александр Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву» (избранные главы)
- Александр Грибоедов. «Горе от ума»
- Александр Пушкин. Лирика, «Цыганы», «Евгений Онегин», «Капитанская дочка»
- Михаил Лермонтов. Лирика, «Мцыри», «Герой нашего времени»
- Николай Гоголь. «Ревизор», «Мертвые души», т. 1

9-й класс, 10-й класс

Как уже было сказано, сложившийся к концу 1930-х гг. советский школьный канон впоследствии менялся мало. В нём пока ещё не было места «сомнительным» Достоевскому и Есенину, мелодраматическая «Анна Каренина» с её «мыслью семейной» была заменена на патриотическую «Войну и мир» с её «мыслью народной» в годы войны, а модернистские течения рубежа веков были втиснуты в шесть часов под самый конец девятого класса. Десятый, выпускной, класс был полностью посвящён советской литературе.

В этот период определяется квадрига русской классики, запечатлённая на фронтонах типовых школьных пятиэтажек 1950-х гг.: два великих поэта — русский дореволюционный гений Пушкин и советский Маяковский — и два великих прозаика — дореволюционный Лев Толстой и советский Горький. Особенно много времени составители программы отводили изучению Пушкина: в 1938 году — 25 часов, в 1949-м — уже 37. Остальным классикам часы пришлось подрезать, так как они попросту не умещались во всё разбухающий, прежде всего за счёт классиков советских, школьный канон.

Заговорить не только об обновлении состава школьного канона, но и о подходах к его формированию и наполнению, а также принципах организации литературного образования в целом удалось только во второй половине 1950-х гг., когда стало понятно, что страна взяла курс на некоторое смягчение идеологического режима. Издание для учителей, журнал «Литература в школе», печатал стенограммы обсуждений проекта новой программы по литературе, а также письма простых учителей, школьных и вузовских методистов и библиотекарей. Звучали предложения изучать литературу XX века не один, а два последних года или включать её в курс 8–10-х классов. Находились даже смельчаки, спорившие с тем, что «Войну и мир» следует обязательно изучать в полном объёме: по мнению учителей, большинство их подопечных были неспособны осилить текст.

Однако долгожданная программа, вышедшая в 1960 г., стала большим разочарованием для всех, кто надеялся на перемены. Больший объём нужно было втиснуть в ещё меньшее количество часов — составители программы предлагали учителям самим решить проблему и каким-то образом успеть пройти всё предписанное не в ущерб глубине постижения.

Не спасало ни изучение некоторых произведений в сокращенном виде, ни уменьшение часов на зарубежную литературу. В изучении литературы провозглашались принципы систематичности и историзма: живой литературный процесс укладывался в ленинскую концепцию «трёх этапов революционно-освободительного движения в России». Материал по-прежнему требовалось просто запоминать в изложении учителя и (или) учебника. *«Необходимо предостеречь преподавателей от чрезмерно детального анализа произведения, а равно и от упрощенных трактовок литературных явлений, вследствие чего изучение художественной литературы может утратить свою образно-эмоциональную сущность».*

1984 год

Воспитание чувств вместо идеологии

После оттепели вся страна выстроилась в очереди за дефицитом — и не только за югославскими сапогами или отечественными телевизорами, но и за

хорошей литературой, полками с которой стало модно украшать интерьеры квартир. Расцвет книжного рынка, в том числе и подпольного, массового кинематографа, советских литературных и иллюстрированных журналов, телевидения, а для кого-то — и самиздата, становился серьёзной конкуренцией унылому советскому школьному предмету «литература», спасаемому лишь отдельными подвижниками учителями. На смену идеологии в школьную литературу приходит воспитание чувств: в героях начинают особенно цениться их душевные качества, в произведениях — поэтичность.

Состав программы

Список постепенно расширяется, с одной стороны — за счёт прежде не рекомендованных произведений русской классики (Достоевский), с другой — за счет произведений советской литературы последних лет, которую следовало читать самостоятельно с последующим обсуждением на уроках

Количество часов

340

Авторы

Сотрудники Научно-исследовательского института школ Министерства просвещения РСФСР

8-й класс

- «Слово о полку Игореве»
- Жан-Батист Мольер. «Мещанин во дворянстве»
- Александр Грибоедов. «Горе от ума»
- Александр Пушкин. «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы…»), «К морю», «Я помню чудное мгновенье…», «Пророк», «Осень», «На холмах Грузии», «Я вас любил…», «Вновь я посетил…», «Я памятник себе воздвиг…», «Евгений Онегин»
- Джордж Гордон Байрон. «Паломничество Чайльд-Гарольда» (I и II песни), «Душа моя мрачна»
- Михаил Лермонтов. «Смерть поэта», «Поэт», «Дума», «Как часто, пестрою толпою окружён…», «Выхожу один я на дорогу», «Родина», «Герой нашего времени»
- Николай Гоголь. «Мёртвые души»
- Виссарион Белинский. Литературно-критическая деятельность

Для бесед по советской литературе

- Анатолий Алексин. «А тем временем где-то…», «В тылу как в тылу»
- Чингиз Айтматов. «Джамиля», «Первый учитель»
- Василь Быков. «Альпийская баллада», «Дожить до рассвета»
- Олесь Гончар. «Человек и оружие»
- Савва Дангулов. «Тропа»
- Нодар Думбадзе. «Я вижу солнце»
- Максуд Ибрагимбеков. «За всё хорошее — смерть!»
- «Имена на поверке. Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны»
- Вадим Кожевников. «Заре навстречу»
- Мария Прилежаева. «Удивительный год», «Три недели покоя»
- Юхан Смуул. «Ледовая книга»
- Владислав Титов. «Всем смертям назло»
- Михаил Дудин, Михаил Луконин, Сергей Орлов. Избранные стихи

***9-й класс,* 10-й класс**

Число часов, отпускаемых на литературу в 8–10-х классах, продолжает сокращаться: в 1970-м это всего 350 часов, в 1976 г. и на ближайшие четыре десятилетия — 340. Школьная программа в основном пополняется произведениями, которые особенно близки консерваторам: на место слишком критичного по отношению к традиционному укладу роману Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» в начале 1970-х в программу приходит роман «Преступление и наказание», противопоставляющий бунту против существующих порядков идею личного спасения. Рядом с «урбанистом» Маяковским встаёт «крестьянский» Есенин. Блок в основном представлен стихами о Родине.

В 1960–70-е гг. по многим произведениям школьного канона снимаются фильмы, сразу же приобретающие широкую популярность: они решают проблемы и нечтения, и адаптации сложных или исторически далеких смыслов классических произведений к восприятию их широкими массами, с идейной проблематики перенося акцент на сюжет, чувства героев и их судьбы. Все прочнее утверждается мысль о том, что классика общенародна: она как будто бы сочетает в себе доступность массовой литературы с высокохудожественностью непреходящих шедевров (в отличие от произведений нереалистических, особенно «модернистских», адресованных в основном отдельным группам «эстетов»). *«Классическая литература — литература, достигшая высочайшей степени совершенства и выдержавшая испытание временем, сохраняющая значение бессмертного творческого примера для всех последующих писателей»*.

Произведения о революции, Гражданской войне и коллективизации уходят в сокращенное или обзорное изучение (четыре часа на «Как закалялась сталь») либо на внеклассное чтение, объём которого всё возрастает. Зато все больше произведений о Великой Отечественной войне: восемь часов, прежде отпускаемых на изучение «Поднятой целины» Шолохова, теперь поделены между этой эпопеей и рассказом «Судьба человека». Литература последних десятилетий читается дома самостоятельно, после чего в классе обсуждается одна из четырёх тем: Октябрьская революция, Великая Отечественная война, образ Ленина, образ нашего современника в произведениях современных авторов. Из 30 прозаических произведений советских писателей, предложенных на выбор для обсуждения в 8–9-х классах, десять книг посвящены военному времени, три — революции и Гражданской войне, пять — жизни и деятельности Ленина. Девять из 24 писателей представляют национальные литературы СССР. Впрочем, само появление раздела «Для бесед по советской литературе» стало знаком приближения новых времён в отечественном образовании, в том числе и в литературном: из лекции с последующим опросом урок хотя бы иногда

превращается в беседу; в обязательном списке появляется хоть какая-то вариативность, пусть и только в выборе произведений текущего литературного процесса. И все же, несмотря на эти уступки, литературное образование позднесоветского времени предлагало сфальсифицированную, идеологически и цензурно обкромсанную историю русской литературы, в которой очень многому не было места. Авторы программы 1976 года, текст которой почти без изменений перекочевал в программу 1984-го, этого не скрывали: *«Одна из важнейших задач учителя — показать учащимся, что роднит советскую литературу с передовым наследием прошлого, как она продолжает и развивает лучшие традиции классической литературы, и вместе с тем раскрыть качественно новый характер литературы социалистического реализма, являющейся шагом вперёд в художественном развитии человечества, классовую основу её общечеловеческого коммунистического идеала, многообразие и эстетическое богатство советской литературы»*.

Уже через несколько лет на месте СССР возникнет другое государство, а на месте раздутого обязательного списка — ещё более объёмный рекомендательный, наконец-то вновь, как в начале 1920-х гг., доверивший учителю право самому выбрать из предложенного перечня имена и произведения с учётом интересов и уровня учеников. Но это будет уже история постсоветского школьного канона, не менее драматичная, в которой активное участие примут и родительское сообщество, и педагогическая общественность, и даже высшее руководство страны.

С автором можно связаться:
mpavlovets@hse.ru

Богданова О., Леонов С., Чертов В. Методика преподавания литературы. Учебник для студентов педагогических вузов. — М.: Академ А, 1999. — 162 с.

Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. — СПб.: Академический проект, 1997. — 321 с.

Павловец М. Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. — №2. — 2016. — С. 73–91.

Пономарёв Е. Учебник литературы в советской школе. Идеологическая поэтика. — Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. — 376 с.

Malygin E. Literatur als Fach in der sowjetischen Schule der 1920er und 1930er Jahre: Zur Bildung eines literarischen Kanons // Schriften aus der Fakultät Geistes- und Kulturwissenschaften der Otto-Friedrich-Universität Bamberg. — Band 9. — Bamberg, 2012.

О литературных канонах советской школы, о роли идеологии и традиций в преподавании литературы.

Школьное чтение, преподавание литературы, рекомендованная литература, управление чтением

This article is about the literary canons of the Soviet school, the role of ideology and traditions in the teaching of literature.

School reading, teaching literature, recommended literature, reading management

Раньше тоже читали не все

На вопросы отвечает Ксения Драгунская — известный писатель, автор детских и не только рассказов, сценарист, драматург, дочь Виктора Драгунского, написавшего «Денискины рассказы». В своём интервью «Реальному времени» писатель рассказывает о пользе отсутствия собеседника, нечитающих детях и многом другом.

Как детская литература сегодня формирует мировоззрение детей?

— Мировоззрение детей формируется, прежде всего, с помощью их столкновений с окружающей действительностью. Социальное неравенство, неуважение к честному труженику, безнаказанность власть имущих — вот что влияет на мировоззрение, а не книжки никак уже. Двадцать первый век на дворе.

А где в детских книгах должна проходить граница для недозволенных тем?

— Я заметила, что дети вообще ценят, когда с ними говорят про серьёзное и про настоящее, а не сюсюкают, как с какими-то недолюдьми. Важно не то, о чём говоришь, а то, как. Да, жизнь не сахар, но всё равно хороших людей больше, чем плохих, и с помощью умных, порядочных взрослых можно найти выход из любой, самой тяжёлой ситуации. Про это все мои «детско-подростковые» пьесы и рассказы.

В Европе стали выходить книги о таких персонажах, как мальчик Калле, который носил розовое платье в горошек, о двух жирафах мужского пола, усыновивших крокодильчика, и так далее. Как Вы относитесь к подобной литературе для детей?

— Если это забавно написано, с добротой, то почему бы не дать ребёнку понять, что у любви бывают всякие проявления, и надо относиться к этому без неприязни. Вообще, однополая любовь всяко лучше разнополой ненависти.

Известная жалоба: современные дети очень мало читают и больше времени уделяют гаджетам.

— Тут только личным примером родители могут повлиять. Если в семье принято читать и говорить о прочитанном, то ребёнок будет читать. То, что современные дети не читают, — миф. Раньше тоже читали не все, а только некоторые. Думаю, сейчас в процентном отношении то же самое.

А Ваши дети?

— Сын вырос и с интересом читает аналитическую, философскую и политическую литературу. А Пушкин? А Лермонтов? Лев Толстой? Кого ни возьми, у всех в детстве — потери родителей или их нелюбовь, одиночество, раннее осознание своей «инакости». Набоков стал крупным писателем, перенеся весь ужас разлуки с родиной, бедности, потери отца и матери. Одиночество и несчастья формируют личность. Человек в подростковом возрасте начинает изливать свои чувства на бумагу, потому что ему поговорить не с кем. Если бы со мной больше разговаривали, я бы никогда не стала сочинителем.

Какие ваши любимые детские книги?

— Жалобные, но с хорошим концом. «Без семьи», «Маленький оборвыш», «Повесть о рыжей девочке», «Лёнька Пантелеев», «Никогда не угаснет» (пионеры и беспризорники в Киеве двадцатых годов — зачитывалась), «Рыжик» Свирского.

Не могли бы Вы остановиться на проблеме — почему преподавание литературы в школе в нашей стране порождает ненависть к литературе?

— Всё зависит от учителя. Если занудно, то, конечно, дети возненавидят Толстого и Чехова и даже Пушкина. То есть исчезнет важная составляющая для национальной самоидентификации.

А что сегодня хорошего можно видеть на телевидении и в кино про школьников и для школьников?

— А разве у нас есть современное детско-подростковое кино? По-моему, оно целенаправленно уничтожено.

Вы обозначили в одном интервью своё отношение к жизни как «гибельный восторг». Чем обусловлено такое Ваше мировосприятие?

— Но мы же все всё равно когда-нибудь умрём. Поэтому надо жить и радоваться, наслаждаться каждой минутой, радоваться и радовать других, но помнить о неминуемой смерти.

Наталия Фёдорова

«Школьные воспоминания: мой урок литературы»

Новый сборник серии «Народная книга» объединил лучшие истории, присланные на конкурс «Я вырос на уроках литературы… Контакт поколений» и воспоминания известных писателей.

«Согласно школьной программе, за 11 школьных лет современный ученик проводит на уроках литературы 2140 часов, то есть около 6 лет, если считать по уроку в день. Это огромный пласт жизни! И хотя мир в последние десятилетия меняется стремительно, школьная программа по литературе, основанная на классических произведениях, остается практически неизменной, объединяя все поколения нашей страны…

Эта книга — увлекательнейшее путешествие вглубь нашей юности. По рассказам можно проследить любовь к книге "жителей" разных эпох — четырёх поколений детей: от детей 50-х годов прошлого века до детей нашего двадцать первого века».

Председатель экспертного совета проекта «Я вырос на уроках литературы... Контакт поколений», вице-президент по стратегическим коммуникациям и развитию Корпорации «Российский учебник» Артём Соловейчик

Чем были уроки литературы в средней школе им. И. В. Сталина, в которой учился Александр Мелихов? Как 60 миллионов советских людей узнали о том, как относятся к литературе и искусству одноклассники Дениса Драгунского? Почему за сочинение о партизанах Грунечку Васильеву, будущую самую читаемую в России писательницу Дарью Донцову, исключили из пионеров? И какие судьбоносные события произошли на школьных уроках литературы с Евгением Бунимовичем и Мастером Чэнем?..

«Народная книга» — это конкурс событийных историй, то есть не прозаических и поэтических произведений, а именно историй, рассказанных живым разговорным языком. Публицистические тексты, выражающие прямую критику конкретных политических решений, государственного строя, исторических событий, а также резкие оценки явлений, наблюдаемых в сегодняшней жизни, не рассматриваются. «Народная книга» — проект творческий и социальный, а не политический.

Участникам конкурса «Я вырос на уроках литературы… Контакт поколений», который проводился Издательской группой «Эксмо-АСТ» и Корпорацией «Российский учебник», было предложено поделиться воспоминаниями об уроках литературы, учителях, героях и произведениях. Так, из разных источников, благодаря разным сложилась многоцветная мозаика школьных воспоминаний, которые объединяет искренняя любовь к тем урокам, которые преподносит нам всем литература. В историях, которые вошли в книгу, каждый найдёт близкие ему воспоминания о школьных годах. В сборник вошли воспоминания и рассказы известных писателей: Дарьи Донцовой, Сергея Носова, Дениса Драгунского, Людмилы Петрановской, Мастера Чэня, Дмитрия Силлова, Александра Мелихова, Анны Матвеевой, Евгения Бунимовича. Помимо этого, в книге можно найти лучшие сочинения на тему «Мои уроки литературы» всероссийской Акции «Народное сочинение», которая впервые прошла в «Библионочь» 2017 года.

Купался Керенский

Я БЫЛ первоклассником, когда пришла пора всему прогрессивному человечеству встречать девяноста пятую годовщину со дня рождения вождя социалистической революции. Эта знаменательная дата запомнилась мне конкурсом чтецов — проводился он в нашей школе среди учащихся младших классов и назывался, если не ошибаюсь, открытым уроком: каждому из нас надлежало выучить и прочитать перед авторитетным жюри детское стихотворение о Ленине. Уже не вспомнить, почему меня потянуло на недетское, почему не воспользовался рекомендательным списком. Наверное, из-за гордыни. «Ленин и печник» читать в конце своего первого учебного года я уже находил неприличным. А стихотворный рассказ о посещении ленинского музея, на мой взгляд, ко мне не имел никакого отношения: «"Я поведу тебя в музей", — сказала мне сестра», — но у меня не было сестры, это раз, и находился музей, это два, не в Ленинграде, а в Москве, мною ещё не посещённой, — как же мне читать вслух про поход в музей, в котором я никогда не был, да ещё с несуществующей сестрой? Неправда будет. А то еще: «Ласково смотрит с обложки тетради маленький Ленин с улыбкой во взгляде». Ну куда же это годится? Нет, к детским стихам о Ленине я был пристрастен.

Я знал, у кого есть про Ленина взрослое, настоящее, решительное, ни на что не похожее, — у Маяковского.

У нас была дома внушительных размеров книга: «В. В. Маяковский. Избранное», настолько толстенная и преогромная, что, если бы я положил её к себе в ранец, туда бы уже не поместился пенал. Такая большая.

У нас были дома среди книг даже очень по размерам крупные, и если там были картинки, я не отказывал себе в удовольствие эти книги листать. А в книге Маяковского были странные картинки, в чём-то загадочные — с выкрутасами. Но привлекали меня они, все эти «окна РОСТа» и прочая агитация, не столько яркостью изображения, сколько броскими надписями. «Нигде кроме как в “Моссельпроме”» воспринималась как «Эники-беники ели вареники», и было что-то по-детски привлекательное в этом взрослом незадачливом юморе: «Лучше сосок в мире нет — готов сосать до старости лет». А история, наглядно дополненная картинками, про кого-то там, кто не мыл фрукты и заболел холерой, запоминалась наизусть с первого же прочтения. «Пейте воду оную только кипячёную». Я и не пил из-под крана.

О том, что Маяковский сам собой легко запоминается, я знал ещё по общеизвестному — про то, что такое хорошо и что такое плохо; правда, к этому стихотворению у меня были, помню, вопросы, но уже не вспомнить, какие.

В общем, о содержимом толстой книги я был неплохо осведомлён и точно знал, что там много про Ленина.

Что может быть лучше про Ленина, чем поэма, которая так и называется: «Владимир Ильич Ленин»?

Зная о ней, я на неё уповал.

В тот вечер мои родители куда-то ушли, бабушка, судившая о Ленине, на мой взгляд, очень поверхностно и ничего не понимавшая в Маяковском, готовила ужин на кухне, так что я — по принципу «двое в комнате — я и Ленин» — в одиночестве вызывал ленинский дух при посредничестве поэта-трибуна.

Поэма про Ленина оказалась неожиданно сложной. Мне казалось, она должна была быть повеселее. Читать её стало мукой для меня. И ещё я не ожидал, что она будет почти бесконечной.

В эту книгу, где стихи на каждой странице давались в два столбика, вообще понавпихивалось невероятно много всего — гораздо больше, чем мне представлялось прежде, когда я листал её без цели найти про Ленина.

Я уже засомневался, про Ленина ли поэма «Владимир Ильич Ленин».

Понял, что не дочитать мне её даже до середины.

Стал искать про Ленина другое что-нибудь. Вот нашёл стихотворение, «Владимир Ильич» называется, но тоже какое-то заковыристое. А вот: «Ленин с нами». Сравнительно небольшое. «Ленин с нами» оказалось тем же «Владимиром Ильичём Лениным» (не путать с только что упомянутым «Владимиром Ильичём»), но в укороченном виде.

В серединке «Ленина с нами» улавливалось что-то сюжетное — я и решил воспользоваться серединой.

«Купался
Керенский
в своей победе,
задав
революции
адвокатский тон.
Но вот
пошло по заводу:
— Едет!
Едет!
— Кто едет?
— Он!»

Дальше речь шла о броневике, так что было понятно, кто это он: разумеется, он — это Ленин едет на броневике, а рабочие на заводах видят и кричат друг другу: «Он, он!» — то есть Ленин, смотрите!.. Не понятно значение слова «адвокатский». И что значит *«задать адвокатский тон»*? С какой стати задавать его революции и почему этим занимается Керенский. И что это у него за победа такая, и почему он в ней решил искупаться?

Должен заметить, что первоклассники тех лет были осведомлённее нынешних — во всяком случае, по части родной истории. Мы знали не только о том, что был Ленин, но и о том, что были другие — например, Каплан, Керенский. Про Каплан я ещё до школы слышал во дворе от одного мальчика, что Ленин простил Каплан и она до сих пор жива и проживает где-то в Сибири. А про Керенского я знал, что он убежал в женском платье. А ещё был Котовский, которого показывали по телевизору (у нас дома был телевизор «Луч»): «Ноги на стол! Я Котовский!» — это знали все в школе.

«И в город,
уже
заплывающий салом,
вдруг оттуда,
из-за Невы,
с Финляндского вокзала
по Выборгской
загрохотал броневик».

Почему город заплывал салом, я и сейчас не совсем понимаю — есть версии, но в них не уверен. С броневиком проще. На стене в школе у нас был изображён броневик, и Ленин на нём стоял и протягивал руку. Так что с броневиком всё понятно было. И, конечно, «Аврора». Правда Ленин, когда «Аврора» стреляла, был не на ней, а в Смольном. Да: броневик, шалаш, «Аврора», Смольный. Вот наша история.

Только сало-то все-таки тут при чём? Да и далее, после сала, как-то смысл затуманивался. Определённо, Маяковский — сложный поэт.

И тем не менее запомнилось очень легко — просто само влезло в голову.

Пришли родители. Удивились выбору. Проявления самостоятельности в семье ценились. Отец попытался проинтерпретировать поведение Керенского и разъяснить значение некоторых слов. Он мне всегда всё объяснял обстоятельно. Я решил, что я кое-что стал улавливать. Были вопросы по форме — что смущало, так это сама «лесенка» Маяковского: я всё ещё не понимал, для чего так коряво печатают его стихи.

Не знаю, сам ли отец мой до этого додумался или их так учили в школе, но объяснение его было следующим. Он сказал: «Понимаешь, Маяковский выступал на площадях при большом скоплении народа, а звук в воздухе распространяется со скоростью 360 метров в секунду, ну я тебе уже про это рассказывал, здесь неизбежна задержка фронта звуковой волны, — иными словами, Маяковский должен был выкрикивать слова по отдельности, чтобы каждое могли услышать на задних рядах, это и отражено в книге, тут просто показано, как это надо читать. Это же ораторские стихи, понимаешь?»

Я понял.

Я понял, что должен читать как оратор.

Жюри из шести человек сидело за тремя сдвинутыми столиками. Добрый дедушка Ленин, окруженный детьми, висел на стене. В состав жюри входили: наша учительница Вера Александровна, школьный библиотекарь, не помню имени-отчества (она всегда заставляла нас пересказывать содержание прочитанных книг, прежде чем выдать новые на руки), студентка-практикантка в квадратных очках, старшая пионервожатая, озадаченная ещё и шефством над октябрятами, каковыми мы были, а также двое с виду суровых мужчин, что-то, вероятно, преподающих в старших классах (один из них, догадываюсь, был секретарём парторганизации преподавательского состава или как она там могла называться).

Конкурсанты выступали с какими-то малышовыми несерьёзными стихами, а члены жюри, с одинаковым вниманием всех выслушивая, поощряли каждого прочитавшего словами «очень хорошо» или «молодец, спасибо».

То-то будет, когда я выступлю!

Я чувствовал: у меня нет конкурентов.

По алфавиту мне надлежало читать где-то в середине мероприятия.

Когда пришла моя минута, я занял место перед жюри и объявил, как полагается, свой номер:

— Владимир Маяковский. «Ленин с нами».

После чего набрал воздуха в грудь и закричал:

— Купался!!!

Потом сделал необходимую паузу, чтобы воображаемая публика как бы на городской площади услышала мое «купался» в самых последних рядах, и выкрикнул имя того, кто собственно купался:

— Керенский!!!

И теперь уже — где купался (это была третья ступенька лесенки):

— В своей победе!!!

— Задав!!!

— Революции!!!

— Адвокатский тон!!!

Поглощённость образом поэта-трибуна не помешала мне заметить некоторую странность в поведении членов жюри — я уловил какое-то среди них шевеление.

— Но вот!!! – продолжал я, форсируя голос.

— Пошло по заводу!!! — продолжал я, стараясь призвать членов жюри к вниманию, тогда как шевеление среди них лишь увеличивалось.

— Едет!!!

— Едет!!! — кричал я.

— Кто едет?!!!

— Он!!!!!

Странно, но они слушали меня невнимательно, словно они вспомнили о своих каких-то делах (всех внимательно, а меня — нет). Библиотекарь отвернулась к стене, будто разглядывание Ленина с детьми её более увлекало, чем то, что я про Ленина сейчас читаю. Иные и вовсе полезли под столы поднимать внезапно упавшие карандаши и другие предметы. Один из суровых мужчин внезапно решил полить цветы на подоконнике — он поспешно поднялся из-за стола и как-то бочком, отвернувшись от меня, словно я и не читал Маяковского, проскользнул к окну, взял лейку и, стоя спиной ко мне, стал поливать кактус. Одна лишь Вера Александровна смотрела на меня, как-то необычно высоко подняв брови (они слегка подергивались), так что я читал, обращаясь именно к ней, словно она одна заменяла всю массу народа на воображаемой площади:

— И в город!!!

— Уже!!!

— Заплывающий салом!!!

Тут и у неё упал карандаш, брови её ещё сильнее задергались, и она, спохватившись, полезла за карандашом под стол.

Мне некогда было отвлекаться на нюансы восприятия моего выступления, но так получалось, что самое главное про броневик, про то, что *«была проста машина эта»* и про *«дыхание её броневое»*, я читал в пустоту. Наверное, декламация стихов Маяковского действительно требует особой выразительности в подаче, и я решил утроить свою ораторскую энергию, дабы достучаться до сердец членов жюри.

— И снова!!!

— Ветер!!!

— Свежий и крепкий!!!

— Валы!!!

— Революции!!!

— Поднял в пене!!!

— Литейный!!!

— Залили!!!

— Блузы и кепки!!!

— Ленин с нами!!!

— ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЛЕНИН!!!!!!

Я замолчал. Никаких «молодец, спасибо» или «очень хорошо» не последовало. Вместо этого прозвучало чьё-то хриплое: «Перерыв» — и члены жюри устремились к выходу.

Возможно, я бы забыл этот эпизод, но спустя годы мне, уже повзрослевшему, напомнили о нём родители. Оказывается, Вера Александровна после родительского собрания интересовалась у них, сам ли я выбрал Маяковского. По секрету она рассказала о сильнейшем впечатлении, произведённым выступлением их сына. Главная забота жюри была, оказывается, не расхохотаться в голос. Я понимаю. Сейчас. Хотя что тут смешного, думаю я сейчас. Мне и тогда казалось, и сейчас кажется, что я выступил лучше всех. Ну, если не лучше, так круче. Ведь круче?

Хотел бы я сейчас посмотреть на себя тогдашнего.

А всё, наверное, потому, что я выглядел моложе, чем был, вот почему. Мне уже исполнилось восемь, и до завершения моего первого учебного года оставался всего месяц, а выглядел я на дошкольника, который только ещё собирается взяться за ум. Честно признаться, это драма всей моей первой половины жизни — мне всегда давали меньше, чем мне было на самом деле.

Короче, я удивился, что не получил первое место. Своим выступлением я остался доволен. Досады не было, но было всё-таки странно, что не оценили взрослого Маяковского. Адекватно поданного, хочется добавить сейчас.

А победителем была объявлена, кажется, Маша Татевосова — не то за пресловутое (на мой тогдашний взгляд) «Я поведу тебя в музей», не то за что-нибудь вроде «Я маленькая девочка, танцую и пою…» Или нет? Не помню уже. Может быть, и не она. Может быть, Наташа Баранова. Врать не буду.

Помню точно, что первым призом была книга «Сквозь ледяную мглу». Позже я узнал, что и там было про Ленина. Как он чуть не провалился под финский лед, когда уходил в эмиграцию, спасаясь всё от того же Керенского. Хотя нет. О чём это я? Откуда Керенский? Керенского тогда ещё и близко там не лежало.

Сергей Носов

ЛЮДМИЛА ИНЬКОВА

Человек на своём месте

Полвека служения книге

Сабина Израйлевна Забелышинская — 50 лет на «библиотечном подиуме»

Людмила Моисеевна Инькова, кандидат педагогических наук, Заслуженный работник культуры РФ

СЕГОДНЯ в периодике можно встретить немало публикаций о роли доверия, репутаций, как не столь этических, сколь экономических категорий. Их отсутствие сегодня негативно сказывается на работе различных социальных институтов: правоприменительных, финансовых, образовательных и пр.

Библиотека в этом ряду не исключение. Неуважительное отношение к ней, мифы о том, что их легко заменяют Интернет, кафе клубного типа, новые по стилистике книжные магазины сегодня воспроизводит не только малообразованная публика, но даже некоторые библиотековеды. Между тем, доверие и высокая репутация каждой, отдельно взятой библиотеки завоевывается не столько покоящимся на мифах представлением о работе того или иного института, сколько оценкой населением конкретного сотрудник-(а) (ков) конкретной библиотеки. Тех, к кому посетители приходят как к своему давнему и уважаемому консультанту и другу, восхищаясь организуемыми ими интеллектуальными вечерами; умными, со вкусом оформленными выставками; способностью сразу понять запрос читателя и по возможности быстро его удовлетворить.

В период кризиса библиотеки, который нельзя не замечать, как никогда, возрастает роль Личности её талантливого сотрудника. Одной из таких ярких личностей, 50-летие трудовой деятельности которой отмечают её коллеги, посвящён этот очерк.

Призвание

Никаких колебаний при выборе профессии у Сабины Израйлевны Забелышинской не возникало: в семье царил культ книги, мама была библиотекарем, бабушка когда-то тоже поработала в этой сфере, а сама библиотека виделась тем местом, где труд в радость. Так, в семнадцать лет, окончив школу и сдав вступительные экзамены в институт, Сабина Израйлевна начала работать в библиотеках Киева, где тогда жила её семья.

Уверена, что она нашла бы себя и в журналистике, и в педагогике, и в психологии, да и вообще не затерялась бы в обширной гуманитарной сфере. Но библиотечное поприще позволило ей раскрыть многие, многие свои природные дарования и полно и ярко. Уже в двадцать лет она стала методистом по работе с юношеством в ЦГБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Киеве. А затем была Москва...

Так сложилось, что Сабине Израйлевне довелось поработать в двух федеральных и нескольких московских библиотеках. И везде она сразу становилась заметной фигурой, «ценным кадром».

В Российской государственной библиотеке (Ленинке) я мало с ней пересекалась, однако прослышала, что её отчёт о командировке в библиотеки Оренбурга и области получил одобрение самого Огана Степановича Чубарьяна, заместителя директора по науке! А ведь в то время она была совсем «зелёным» методистом. Так что уже в начале своего профессионального пути Сабина Израйлевна проявляла и знания, и умение оценить работу коллег, подсказав, как можно её улучшить. Не случайно её постоянно приглашали во многие регионы Советского Союза и России для участия в семинарах, конференциях, практикумах. Она была в составе российской делега-

ции на Международной конференции ИФЛА в Норвегии, выступала на Международной конференции на Кипре с докладом по проблемам чтения молодёжи.

Ей присущи задатки исследователя, стремление дойти до самой сути. За какую бы тему она не бралась (а были и совсем для неё новые), сразу кидалась к источникам, к интернету, сопоставляла разные точки зрения, мнения, пропуская всё через себя. И при этом всегда думая о читателе, о той аудитории, которой адресован её «продукт» — будь то книжная выставка, беседа, доклад на конференции и просто вводное слово к массовой акции. А сколько всего этого случилось за её долгую профессиональную жизнь! Трудно отобрать что-то особенно впечатляющее, но постараюсь.

В Российской государственной библиотеке для молодёжи (с 1966 по 2007 — юношеской), куда её сманила из Ленинки легендарная Ирина Викторовна Бахмутская, Сабина Израйлевна, став заведующей отделом массовой работы, прославилась организацией встреч читателей с известными писателями, журналистами, учёными, композиторами, деятелями культуры. И проходили такие встречи не только в стенах библиотеки, но и в Колонном и Октябрьском залах Дома Союзов. Кто только не побывал здесь! Такие знаменитости как Борис Васильев, Расул Гамзатов, Юлиан Семёнов, Виктор Розов, Андрей Дементьев, Эльдар Рязанов, Валентин Гафт, Марк Фрадкин, Евгений Птичкин, космонавты. Список этот может быть многократно продолжен. Это тоже её придумки, привлекавшие молодёжь в библиотеку. А в конце 1990-х годов она придумала, организовала и блестяще провела «Ассамблею талантливых читателей» «Юность России — Пушкину» к 200-летнему юбилею поэта. Это действо проходило в ЦДРИ, и вела его Сабина Израйлевна на равных с Народным артистом России Юрием Васильевым. И так артистично вела, что две девчушки в зале уточняли друг у друга: «А эта женщина народная или заслуженная артистка?»

Молодые читатели хорошо знали и запомнили эту маленькую женщину. Как-то, повредив ногу, она оказалась в травмопункте, и вдруг молодая женщина-врач, внимательно поглядев на неё, сказала: *«Вы, конечно, меня не помните. Нас было много. Я училась в школе на Преображенке, и мы приходили на ваши мероприятия. Сейчас со своими школьными друзьями мы вспоминаем то время как лучший праздник нашей жизни. Вы подарили нам встречи с замечательными людьми и книгами. Спасибо вам!»*

Она не только прекрасно говорит, логично, образно, умно, но и владеет пером. Ей принадлежит серия библиографических указателей — доверительных бесед с читателями под очень точным названием «Литературный подиум».

Казалось бы, после 50 лет творческое начало затихает. Но это к Сабине Израйлевне не относится. Она по-прежнему в творческом тонусе. На её встречи с режиссёрами-документалистами и писателями собирается уже постоянная благодарная аудитория. Проходят такие встречи в библиотеке №1 им. А. С. Грибоедова, где Сабина Израйлевна вот уже почти четыре года работает главным библиографом. После показа фильма непременное обсуждение, которое ведёт Сабина Израйлевна, каждый раз поражая присутствующих глубоким погружением в тему. А сколько «маленьких открытий» сделала она, изучая жизнь и творчество А. С. Грибоедова! Её сообщения всегда находят отклик у слушателей и побуждают обратиться самим к чтению тех книг, о которых она так вдохновенно говорила. А ещё она открывает для москвичей и гостей столицы историю Мещанского района. На её экскурсии, которые она проводит по улицам и переулкам Мещанки, собираются люди из разных районов Москвы и, даже Подмосковья.

Сабина Израйлевна — человек на своём месте, потому и результаты отличные. Профессионализм, неустанный труд над собой, самообразование, поиск и внедрение новых современных форм продвижения книг, чтения, уважение к посетителю библиотеки, организаторский талант и личное обаяние — вот с таким арсеналом «боевых искусств» приходит Сабина Израйлевна Забелышинская к своему 50-летию в библиотечном деле.

Есть и ещё у неё великолепное качество: она надёжный друг, верный товарищ, готовый подставить плечо. И она с близкими людьми и в светлый день и в печальный...

С юбилеем Вас, дорогая Сабина Израйлевна!

Здоровья Вам, радости и вдохновения!

К моим словам присоединяются многочисленные коллеги Библиотеки №1 имени А. С. Грибоедова ГБУК города Москвы «ЦБС ЦАО»

С автором можно связаться:
info@rgub.ru

Библиотека имени А. С. Грибоедова – одна из старейших в Москве

Она была открыта ещё в 1910 году по решению Московской Городской Думы.

С первых дней библиотека стала для москвичей любимым местом, где они брали книги, посещали «Грибоедовский кружок рассказчиков», в который приходили известные деятели культуры и науки. В 1916 году в библиотеке было организовано «Общество друзей Грибоедовской библиотеки».

В годы Великой Отечественной войны библиотека не прекращала работу. Её сотрудники не только выдавали книги. Они рыли окопы, посылали на фронт посылки с литературой, приходили с книгами домой к горожанам. Организованная библиотекой детская концертная бригада выступала на сборных пунктах перед отправкой солдат на фронт, в госпиталях. Дети читали раненым книги.

Сегодня библиотека так же популярна среди москвичей. Здесь собрана вся информация об А. С. Грибоедове, в том числе проводятся экскурсии для всех желающих по мемориальной экспозиции, посвящённой великому русскому драматургу. Творческая жизнь в библиотеке кипит! Известные режиссёры документального кино представляют свои фильмы. В большом зале проходят концерты, встречи с известными писателями и поэтами. Посетители мастер-классов учатся рисовать картины и изготавливать сувениры. А любители изобразительного искусства регулярно знакомятся с выставками работ московских художников.

Ежегодный «Грибоедовский бал» гостеприимно открывает двери для всех друзей библиотеки — почитателей творчества великого Грибоедова!

МАРИЯ ТКАЧЕНКО

Колыбели наук:

старопечатные издания в фонде редких книг и рукописей Научно-технической библиотеки ПГУПС

Фонд редких книг и рукописей библиотеки — один из богатейших книжных собраний Петербурга, содержащий коллекции литературы, рукописных и графических материалов, имеющих отношение к транспорту и строительству, так и истинными жемчужинами мирового печатного наследия.

Мария Александровна Ткаченко, заведующая сектором читальных залов Отдела редких книг и рукописей Научно-технической библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ библиотека Петербургского государственного университета путей сообщения императора Александра I, старейшая специализированная библиотека Санкт-Петербурга, была основана одновременно с самим Университетом — в ту пору Институтом Корпуса Инженеров Путей Сообщения — в 1809 г., и её фонды сразу же начали пополняться. Ныне фонд редких книг и рукописей НТБ относится к наиболее богатым книжным собраниям города и может похвастаться как богатейшими коллекциями литературы, рукописных и графических материалов, имеющих отношение к транспорту и строительству, так и истинными жемчужинами мирового печатного наследия.

По первоначальным сметам на комплектование научной библиотеки отпускалось ежегодно 2600 руб. — с неизменной оговоркой, что в случае надобности деньги могут безотказно выделить из фонда Главного Управления Путей Сообщения на приобретение необходимых книг. Созданию и формированию библиотеки придавалось огромное значение. Первая закупка книг, моделей и инструментов на общую сумму 36 000 руб. была незамедлительно произведена по рекомендации основателя и первого руководителя Института Агустина Бетанкура через посредство русского посла в Париже А. В. Куракина. К началу первого учебного года приобретения были доставлены в Петербург.

Путём закупок и пожертвований в фонд библиотеки Института вошли, например: коллекция архитектурных книг архитектора Огюста Рикара де Монферрана, приобретённая в 1860 г., после его смерти; коллекция прославленного командира фрегата «Паллада» адмирала Посьета; архитектурные труды из коллекции архитектора Чарлза Камерона. Они отмечены печатями, экслибрисами, автографами прежних владельцев. С трепетом просматривая эти знаки, представляешь себе, какой путь прошли некоторые старинные книги, прежде чем оказаться в фонде.

Ценнейшие сокровища любой книжной коллекции — старопечатные книги. Изобретение Иоганна фон Гутенберга имело огромное значение, ведь печать не только обеспечила широкое распространение книг (а значит, и образования), но и самым серьёзным образом повлияла на их сохранность. Архивы и библиотеки нередко горели, а чем больше тираж, тем больше появлялось у книги шансов дойти до потомков.

В Фонде редких книг и рукописей Научно-технической библиотеки Петербургского университета путей сообщения присутствует небольшая коллекция изданий XV–XVI веков. Эти книги поступили в библиотеку разными путями — часть их была приобретена из библиотеки Огюста де Монферрана, часть (включая наиболее старинные) поступила в порядке обмена из Публичной библиотеки в 1855 г., остальные были куплены у различных книготорговцев и частных коллекционеров или принесены в дар. Всё это научно-технические трактаты и справочники. Некоторые из них первые в своём роде, некоторые являются первыми изданиями знаменитых работ, приобретших позднее большую популярность и выдержавших множество переизданий и пере-

водов. К наиболее ценным изданиям коллекции относятся старопечатные справочники по астрологии и астрономии.

Гордостью любого книжного собрания, разумеется, считаются инкунабулы. В нашей коллекции их три — это издания, осуществленные баварским печатником Эрхардом Ратдольтом Аугсбургским в Венеции и Аугсбурге в 80-е годы XV века. Ценность этих книг невозможно преувеличить. Их содержание отражает состояние науки во времена до Коперника, а в одном случае — и в глубоком Средневековье. Это полезнейший материал для историков науки. Тексты

демонстрируют особенности научной латыни эпохи Возрождения — истинный подарок для филологов. По качеству их исполнения можно судить о состоянии технического прогресса того времени: в Европе имелось всего около 1100 типографий. И это ещё не всё. Перелистывая эти прочные и эластичные, пережившие полтысячи лет страницы, что усеяны пометками, сделанными выцветшими чернилами, остро чувствуешь дух времени. В русских землях ещё хозяйничали татаро-монголы, Америка ещё не была открыта, а кто-то уже работал с этой книгой. Завораживает, не правда ли?

Эрхард Ратдольт из Аугсбурга (1442–1528) основал в 1475 г. вместе со своим соотечественником типографом Бернхардом Малером и печатником Питером Лёсляйном в Венеции печатню, которой суждено было стать одним из наиболее новаторских заведений подобного рода в Европе. В 1476 г. он выпустил первую свою инкунабулу — астрономический «Календарь» выдающегося астронома того времени Иоханнеса Мюллера Кёнигсбергского, более известного как Региомонтанус. В этой книге присутствовал один из первых в истории образцов титульного листа современного типа, с напечатанной орнаментальной рамкой и множество напечатанных методом ксилографии — гравюры на дереве — нарядных буквиц. В 1482 г. вышел истинный шедевр «венецианского» периода мастерской Ратдольта — первое печатное издание «Начал» Эвклида, при создании которого Ратдольт впервые успешно решил задачу воспроизведения геометрических схем. В дошедшем до наших дней рек-

«Космография» Бароцио

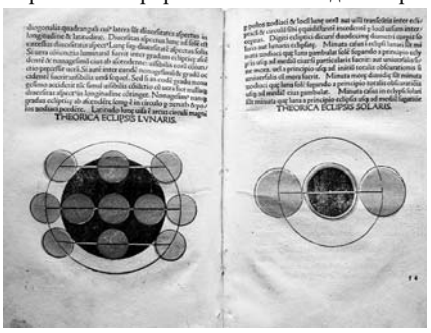
ламном «проспекте» печатни Ратдольта, датированным 1484 годом, перечислено 46 названий. Среди них — большеформатное издание Библии, требники, молитвенники, работы Августина и Фомы Аквинского, издания Ювенала, Вергилия, Овидия, а также около дюжины изданий по юриспруденции, математике, астрономии и медицине.

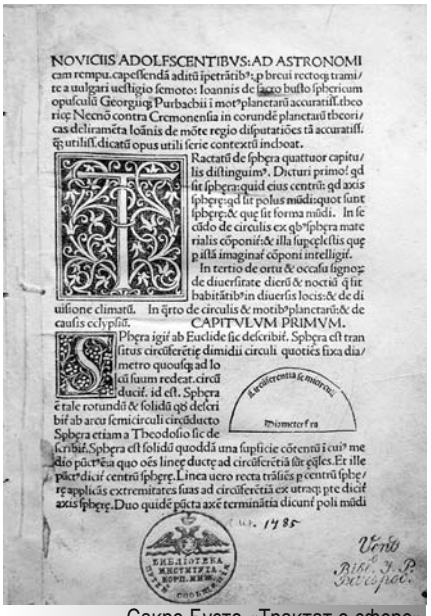
В 1486 г., после того, как граф Фридрих фон Гогенцоллерн вступил в сан епископа Аугсбурга, Ратдольт был приглашён в родной город для обеспечения епархии литургическими изданиями. Ратдольт захватил с собой свои буквицы и ксилографии, выполненные итальянскими мастерами и сильно отличавшиеся от тех, что использовались в Германии того времени. Из аугсбургской печатни вышло впоследствии более 220 произведений, преимущественно литургического и музыкального характера, предприятие Ратдольта процветало.

Эрхард Ратдольт с его новаторскими идеями является одним из выдающихся печатников инкуна. Первым использовал печатные буквицы, оформленные листвой и цветами, он первым стал украшать тексты печатными рамками и орнаментом, создав характерный для эпохи Ренессанса тип книжного декора. Первым применил цветную печать и печать золотом. В 1486 г., по возвращении в Баварию, Ратдольт опубликовал свой легендарный лист с образцами четырнадцати типографских шрифтов, применявшихся в то время.

Прикоснуться к страницам изданий Ратдольта — значит прикоснуться к истокам печатного дела. В их ярких, глубоко пропечатанных текстах и сияющих красками, кажущимися совсем свежими, иллюстрациях заключена сама история книги.

Старейшим изданием в коллекции Фонда редких книг и рукописей Научно-технической библиотеки является «Трактат о сфере»[1] Иоханниса де Сакро





Сакро-Бусто «Трактат о сфере»

Бусто (Сакро Боско), монаха и астронома, профессора Парижского университета XIII века. Предположительно он был родом с Британских островов, и его часто называют Джоном из Холивуда или Холибуша. Наиболее знаменит он своей критикой Юлианского календа-

ря. Указав на некоторые неточности и высказав свои рекомендации, он фактически предсказал появление Грегорианского календаря, введённого только три столетия спустя.

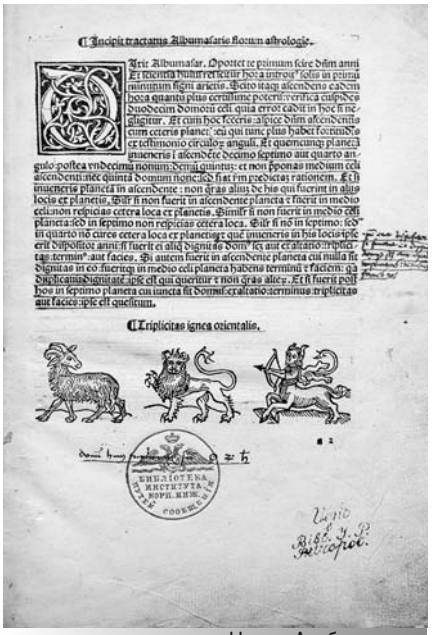
«Трактат о сфере» Сакро Бусто — одно из наиболее значительных изданий, вышедших из печатни Ратдольта и, вероятно, первая в истории книга с иллюстрациями цветной печатью. В позднее Средневековье «Трактат» был популярным введением в астрономию. В нём рассматривается вселенная Птолемея и, хотя в основном он посвящён описанию небес, в первой главе Земля представлена как сфера. Впервые книга увидела свет в 1230 г. и на протяжении четырёх последующих столетий служила обязательным учебным материалом для университетов Европы. В издании Ратдольта (Венеция, 1485) трактат дополнен работами Региомонтануса, а также его учителя Георга Пойербаха (Пурбаха) и хорошо демонстрирует представления докоперниковой эпохи о строении вселенной. В книге отсутствует титульный лист, зато имеется фронтиспис с изображением сферы; имя автора и заглавие можно выделить вверху первой страницы основного текста.

Второе издание Ратдольта в нашей коллекции — «Цветы Альбумасара»[2], трактат по астрологии выдающегося персидского учёного IX века Абу Машара аль-Бальхи. Абу Машар в течение десяти лет жил в Бенаресе, изучая индийскую астрономию, учился в Багдаде у Аль-Кинди. В средние века европейская наука в значительной мере строилась именно на трудах арабских учёных,

«Цветы Альбумасара»

и «Введение в науку о звёздах» Абу Машара (848 г.) в переводе на латынь стало первым европейским трудом по астрологии. Перевод этого трактата Абу Машара на латынь предположительно был произведён Иоанном Севильским также в XII веке.

Ратдольт опубликовал «Цветы Альбумасара» в 1488 г., уже в Аугсбурге, когда в его изданиях на смену изящному романскому шрифту — антикве —пришла эффектная ротунда, полукруглый готический шрифт. Книгу украшают многочисленные иллюстрации с аллегорическими изображениями созвездий и знаков зодиака. Кто-то из прежних владельцев книги сделал множество пометок на полях, на некоторых страницах подчеркнул каждую строку, а на одной из последних страниц пририсовал явно недостающую картинку с изображением весов. В книге имеется титульный лист с заглавием «Flores Albumasaris», под которым сделано от руки нечто вроде аннотации на латыни.



«Цветы Альбумасара»

В 1489 г. Ратдольт опубликовал ещё один труд по астрологии и астрономии — Компиляцию герцога Леопольда Австрийского о небесной науке[3]. Фронтиспис и иллюстрации к книге уже использовались Ратдольтом в более ранних изданиях. Как и в других его изданиях, здесь присутствуют фигурные буквицы и схемы, осуществленные цветной печатью. Первый чистый лист книги, титульный лист с заглавием и его оборотная сторона покрыты текстом, написанным от руки одним из прежних владельцев. На форзаце и титульном листе упоминается имя Адам Фрайтагиус младший и дата — 1618, видимо, в начале XVII в. книга побывала в библиотеке Адама Фрайтага, известного польского военного инженера и врача. Он же, очевидно, сделал на первых листах книги пояснения к труду Леопольда. Вероятно, Фрайтаг определил источники, которыми пользовался составитель справочни-

«Компиляция» Леопольда

ка: в тексте снова встречаются имена Пойербаха и Региомонтануса, однако записи на архаичной латыни были когда-то чем-то залиты и побледнели, так что разобрать их не представляется возможным.

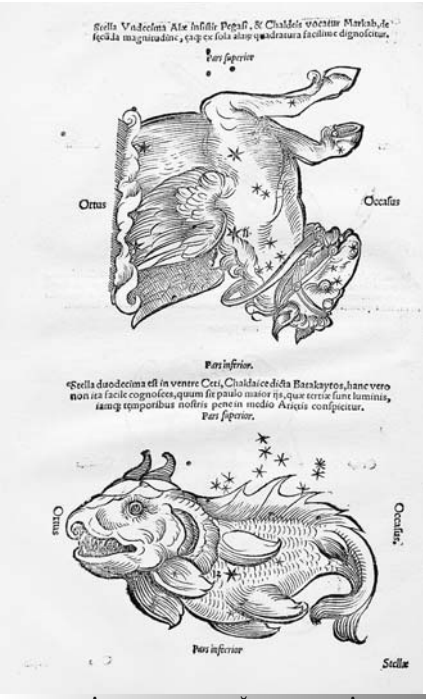
На последней странице каждой инкунабулы имеется колофон: место и год издания и имя Ратдольта. Любопытна фолиация того времени: листы нумеровали по восемь, первые четыре обозначены буквой и цифрой (например, a, a 2, a 3, a 4), следующие четыре не пронумерованы, далее идёт следующая буква.

В коллекции Фонда редких книг и рукописей имеется также посвященный астрономии палеотип — книга, напечатанная в первой половине XVI века. Это издание «Астрономического квадранта Апиана»[4], выпущенное в Ингольштадте в 1532 году.

Питер Бинневиц из Саксонии, более известный под латинизированным псев-

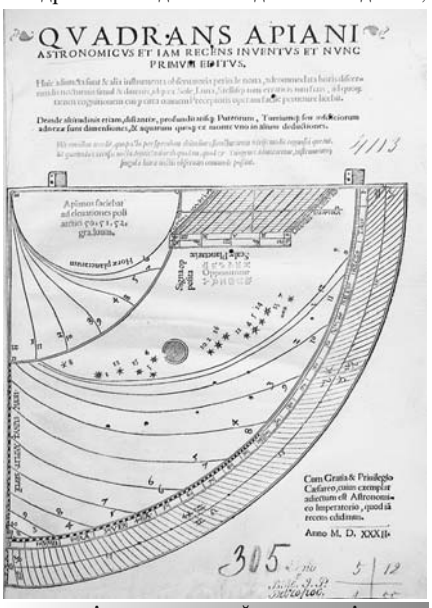
донимом Апианус (Пчелиный), был выдающимся астрономом, математиком и картографом. Особенно хорошо известно его главное произведение — «Космография», книга по астрономии и навигации, переведённая на четырнадцать языков и сохранявшая актуальность до конца XVI века. Имя Апиана носят лунный кратер и малая планета.

Поработав в нескольких крупных университетах Европы, Апианус посе-



«Астрономический квадрант Апиана»

лился в Ингольштадте, где основал собственную печатню, прославившуюся высококачественными изданиями по географии и картографии. Император Священной Римской империи Карл V назначил его своим придворным математиком. По ходу карьеры Апианус усовершенствовал и описал множество различных астрономических и математических приборов. «Астрономический квадрант» — одно из подобных изданий,



«Астрономический квадрант Апиана»

вышедшее из его собственной печатни. Книга напечатана чёрным цветом и киноварью, снабжена многочисленными ксилографиями-иллюстрациями; на каждой странице пробиты отверстия — вероятно, они намечают звёздную карту или способствуют неким расчётам.

Завершает тему астрономии в коллекции старопечатных книг Научно-технической библиотеки «Космография» Франческо Бароцио[5], опубликованная в Венеции в 1585 году. Бароцио, венецианский патриций, учился в Университете Падуи, в 1587 г. предстал перед Инквизицией по обвинению в колдовстве, однако отделался штрафом. Его книга основана на «Трактате о сфере» Сакро Бусто, причём автор исправляет 84 ошибки предшественника. В труде также идёт речь о метеорологии и физической географии. В предисловии приводится библиографический обзор по теме астрологии, излагаются основы математики. В конце книги присутствует обширный алфавитный указатель. В нашем экземпляре перед ним и после основного текста от руки написано слово «Конец» на разных языках, включая русский, а на последней странице изящным почерком сделано ещё несколько надписей на латыни, последняя из них переводится: «Дьявол есть дух лживый и отец лжи». Выразил ли тем самым неведомый читатель своё отношение к содержанию книги, было ли то случайным замечанием или упражнением в каллиграфии, — неизвестно.

Проходят века, мир меняется, всюду властвует технический прогресс, но в старинных переплётах бережно хранятся знания и навыки прошлых времён, живут память и дух столетий. И чтобы соприкоснуться с ними, достаточно пролистать страницы…

С автором можно связаться:
library@pgups.edu

Обзор старопечатных изданий из фонда редких книг и рукописей Научно-технической библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения.

Библиотечные фонды, библиотеки вузов, редкие книги

The author presented an overview of incunabula from the collection of rare books and manuscripts of the Scientific and Technical Library of the St. Petersburg State University of Railways.

Library funds, libraries of universities, rare books

Как это начиналось

С конца XVIII в. изысканием, проектированием, строительством, реконструкцией и эксплуатацией путей сообщения России занимались Департамент водяных коммуникаций и Экспедиция устроения дорог в государстве. В 1801–1809 гг. оба эти ведомства возглавлял граф Николай Петрович Румянцев (1754–1826) — видный государственный деятель, дипломат, член Государственного Совета, сенатор. В 1809 г. он представил Императору Александру I «Предложения о надёжных мерах для учреждения по всей России удобных сообщений на суше и на воде». В этом документе не только предлагалась новая, единая, более совершенная структура управления всеми путями сообщения России, но и высказывалась мысль о необходимости учреждения в государстве специального высшего технического учебного заведения для подготовки инженеров, способных возглавить строительство дорог и мостов, речных и морских портов, гражданских и транспортных сооружений.

На основании этих предложений в соответствии с Высочайше утвержденным Манифестом 20 ноября 1809 г. было организовано самостоятельное ведомство — Управление водяными и сухопутными сообщениями. Этим же Манифестом учреждены Корпус инженеров путей сообщения и Институт Корпуса инженеров путей сообщения (ныне Петербургский государственный университет путей сообщения). Корпус был создан для выполнения строительных и ремонтных работ по ведомству путей сообщения, Институт — для подготовки инженерных кадров для этого Корпуса.

Первым ректором (инспектором) Института Корпуса инженеров путей сообщения был назначен Августин Августинович Бетанкур (1758–1824) — испанец по происхождению, учёный с мировым именем, выдающийся инженер-механик, строитель и педагог.

АНАСТАСИЯ ЖАРИКОВА

Поверхностный читатель

Чтение без разумения

В журнале «Библиотечное дело» публикуется немало статей, посвящённых искусству чтения. Такие злободневные темы, как читательское творчество и формирование целого класса нечитателей, в том числе посредством Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), не могут не побудить к размышлениям и исследованиям.

Анастасия Николаевна Жарикова, факультет педагогического образования МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Моё особое внимание привлекли статьи И. И. Тихомировой и В. Н. Руднева[1], поскольку тема моей выпускной аттестационной работы на ФОП МГУ им. М. В. Ломоносова — «Педагогические условия формирования читательской культуры». В рамках этой темы я провела ряд исследований, направленных на анализ читательской культуры современной молодёжи. С одним из этих исследований я и предлагаю познакомиться читателям журнала «Библиотечное дело».

С целью выявления у современных читателей умения осмыслить текст в процессе чтения я предложила студентам 1 курса АНО ВО «Российский Новый университет» для анализа текста рассказа А. П. Чехова, который изучается в седьмом классе общеобразовательной школы. В опросе принял участие 31 студент нефилологических специальностей (направления подготовки: бизнес-технологии в туризме, экономика, юриспруденция) в возрасте от 17 до 22 лет.

При анализе с текстом мною была предусмотрена работа такими видами чтения, как просмотровое, ознакомительное, изучающее и осмысленное. Каждый вид чтения используется на разных этапах и отвечает за определенный уровень понимания текста учащимся. Для того чтобы прийти к осмысленному чтению, то есть самому высокому уровню понимания написанного художником слова, необходимо проработать текст на других уровнях.

Опрос студентов проводился в течение 2 академических часов (1 час 30 минут), то есть в рамках учебной пары. После организационных моментов (5 минут) респондентами самостоятельно вслух по очереди был прочитан текст рассказа Чехова (15–20 минут). Затем они приступали к ответам на поставленные вопросы. Таким образом, отведённое время на ответы составляло 1 час. Отметим, что в отдельных случаях раздавались реплики: «Мало времени!», «Мы не успеваем!», «Вопросы очень сложные!». Ответили не полностью или частично 30% респондентов.

Предтекстовой этап работы с текстом.

На вопрос: *«Попробуйте догадаться о значении следующих слов: знамо, изволить, своротить, токмо, тогды и, подобрав современный вариант этих слов, впишите в соседний столбик»* были даны следующие ответы:

Ответы	Кол-во респондентов
Объяснили все слова	21
Не смогли объяснить одно слово	7
Не смогли объяснить два слова	2
Не смогли объяснить ни одного слова	1

Просмотровое чтение

Просьба: *«Перечислите рыб, названных в рассказе»*, выявила следующие тенденции в ответах респондентов и привела к таким результатам:

Ответы	Кол-во респондентов
Назвали только две рыбы	3
Не смогли перечислить более трёх названий	9
Нашли четыре рыбы	11
Назвали пять рыб	1
Нашли шесть наименований	5
Перечислил все 7 наименований	2

На вопрос: *«Сколько у Дениса Григорьева братьев?»*, поступили следующие ответы:

Ответы	Кол-во респондентов
Два	16
Три	9
Воздержались от ответа	6

Ознакомительное чтение

Вопросы, относящиеся к ознакомительному чтению, были выполнены студентами частично. В основном не выполнена или выполнена не полностью та часть задания, где нужно было выписать предложения из текста в подтверждение своего ответа.

На вопрос: *«Считает ли следователь виновным Дениса Григорьева? Найдите в тексте предложения, которые подтверждают Ваш ответ»*, все респонденты ответили, что следователь считает Дениса Григорьева виновным. Однако подтверждение из текста привели не все:

Ответы	Кол-во респондентов
0	13
1	15
2	2
3	1

На вопрос: *«Почему Денис, отвечая на вопросы следователя, употребляет местоимение “мы”, вместо “я”? Найдите эти предложения в тексте и объясните, кого он подразумевает?»*, поступили ответы:

Ответы	Кол-во респондентов
Привел все примеры из текста	1
Привели два подходящих примера из текста	2
Привели единственный аргумент из текста: «мы народ... Климовские мужики...»	17
Ответили, что Денис имел в виду конкретно мужиков Игната и Митрофана	3
Не смогли дать ответ на вопрос	6
Привели примеры, не имеющие отношения к ответу на вопрос	2

Изучающее чтение

Отвечая на вопрос: *«Почему Денис Григорьев не признаёт своей вины?»*, респонденты предложили следующие варианты:

Ответы	Кол-во респондентов
Потому что Денис не считает, что отвинчивать гайки опасно	14
Потому что Денис не понимает, в чем его вина	8
Потому что так делают все, значит, и Денису можно	2
Потому что у него не было злого умысла	4
Не дали ответов	3

На вопрос *«В чём главная проблема текста? Приведите аргументы из текста, подтверждающие Вашу позицию»*, поступили такие ответы:

Ответы	Кол-во респондентов
Непонимание, различие мировоззрений героев рассказа	6
В том, что Денис не осознал свою вину	7
Незнание и необразованность народа	9
Бедность народа	2
Несправедливость власти по отношению к народу	2
Не ответили на вопрос	5

Осмысленное чтение

Вопрос: *«Как вы считаете, на какую проблему хотел обратить внимание автор рассказа? В каких ещё рассказах Антона Павловича Чехова затрагивается эта проблема?»* дал такие результаты:

Ответы	Кол-во респондентов
Привели примеры	9
Не ответили на вопрос	22

В целом, собственное видение проблематики текста и авторская позиция в ответах у респондентов совпадает.

На вопрос: *«Как Вы считаете, почему А. П. Чехов назвал свой рассказ “Злоумышленник”? Кого или что он имел в виду?»*, поступили ответы:

Ответы	Кол-во респондентов
Ответили, что «незнание закона не избавляет от ответственности»	4
Считают, что злоумышленник Денис, и он навредил сам себе	6
Считают, что следователь является злоумышленником	3
Считают, что народ — это злоумышленник	1
Написали своё определение слова «злоумышленник»	4
Не дали ответов	13

Полагаем, справедливыми будут следующие выводы из нашего опроса. Анализ работ показывает, что у выпускников современной школы не сформирован навык самостоятельной работы с текстом, отсутствует самостоятельность в познавательной деятельности. Школьный курс словесности, ориентированный на ЕГЭ, не способствует развитию и саморазвитию человека читающего. Мы видим, что самый распространенный тип современного читателя — это, согласно классификации Л. И. Беляевой, — поверхностный читатель[2]. Его можно охарактеризовать следующим образом: такой читатель мотивирован на эмоциональные и развлекательные тексты; он стремится получить от чтения релаксацию, а его аксиологические установки — это поверхностное прослеживание сюжета, без изучения и осмысления написанного автором.

Полагаем, главная проблема российского образования — это целенаправленное воспитание читательского инфантилизма[3].В результате 11-летнего обучения, венчающегося тестовыми заданиями в формате ЕГЭ, формируются незрелые читатели, не понимающие переживаний литературных героев, не умеющие их формулировать, не способные выразить мир внутренних чувств[4].

В процессе написания выпускной аттестационной работы, я собирала материалы в Научной педагогической библиотеке им. К. Д. Ушинского, Цент-

ральной универсальной научной библиотеке им. Н. А. Некрасова, Российской государственной библиотеке для молодёжи. Я обратила внимание на то, что работа специалистов в них ведется изолированно друг от друга, сотрудники одной библиотеки мало знают или не знают совсем о деятельности других культурных центров. При этом библиотекарь свободен от требований Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) и потому имеет больше возможностей поддерживать читательскую самостоятельность восприятия и суждений ребёнка о книге. Очевидно, что в современном виде ФГОС тормозит у детей интерес к чтению. Об этом, в частности, постоянно говорят в печати И. И. Тихомирова, В. Н. Руднев. В связи с этим считаю, что эффективным будет создание единого исследовательского научного центра по изучению проблем чтения. Его задачами должны стать:

1. создание единой информационной базы по литературе, посвященной проблемам чтения;

2. организация пространства для изучения проблем чтения, проведение различных мероприятий, посвящённых им;

3. внедрение курсов повышения квалификации для преподавателей школ, колледжей, вузов в области изучения чтения.

Полагаю, моё исследование будет полезно при формировании единого исследовательского центра по изучения проблем читательской культуры.

С автором можно связаться:
artimida444@gmail.com

Примечания:

[1] Тихомирова И. И. Узнавание себя в герое. Образы прошлого и оживление пережитого // Библиотечное дело. — 2017. — №9. — С. 2–4; Руднев В. Н. Почтение к чтению, или Чем грозит его профанирование? // Библиотечное Дело. — 2017. — №9. — С. 8–9.

[2] Беляева Л. И. К вопросу о типологии читателей // Проблемы социологии и психологии чтения. — М., Наука, 1975. — С.157–159.

[3] Руднев В. Н. Осмысленное чтение и читательский инфантилизм. Абстрактное мышление как средство познания внешнего мира // Библиотечное дело. — 2015. — №22. — С. 20–22.

[4] Руднев В. Н. Философия книги. — М., РосНОУ, 2015. — С. 60–65.

Результаты опроса по выявлению у современных читателей умения осмыслить текст в процессе чтения.

Чтение, осмысленное чтение, современный читатель, чтение молодёжи

The results of the survey to identify the ability of modern readers to comprehend the text in the process of reading.

Reading, intelligent reading, modern reader, reading youth

Национальная библиотека Коми отметила 180-летний юбилей

В Академическом театре драмы им. В. Савина состоялся торжественный вечер, посвящённый 180-летию Национальной библиотеки Республики Коми. Как сказал в своем выступлении глава региона Сергей Гапликов, Национальная библиотека является ориентиром для всей библиотечной системы. То, что она предлагает информационно-библиотечной среде, активно используется другими библиотеками республики.

По словам главы региона, охват библиотечного обслуживания в Коми выше, чем в среднем по стране. Но успокаиваться на этом не стоит. Поэтому расширение библиотечной системы и её возможностей будет продолжаться. За два последних года в Коми отремонтировано 89 библиотек. Только в этом году библиотекам региона выделено 17 грантов. Еще около 12 миллионов они получили в рамках республиканской программы развития культуры. И в последующие годы, пообещал Сергей Гапликов, забота о библиотечной системе, будет неуклонно возрастать.

— *Спасибо всем вам за ваше трудолюбие, терпение, служение профессии и за ваш подвиг в формировании основ культуры, её развитии и сохранении в будущем*, — пожелал глава республики, обращаясь к библиотекарям.

Затем Сергей Гапликов вручил сотрудникам Национальной библиотеки награды и благодарственные письма. Четверо из них были удостоены звания заслуженного работника культуры Республики Коми.

По словам председателя Госсовета Коми Надежды Дорофеевой, открывшаяся 180 лет назад в Усть-Сысольске библиотека стала первым учреждением культуры Коми края. Ровно 25 лет назад ей был присвоен высокий статус национальной библиотеки.

От лица депутатов Госсовета Коми она поздравила собравшихся в зале с юбилеем, поблагодарила библиотекарей за преданность делу, пожелала неиссякаемой творческой энергии, новых проектов и благодарных читателей.— *Пусть в ваших семьях всегда будет только хорошо*, — пожелала она.

Вышедший на сцену вслед за Надеждой Дорофеевой член Совета Федерации РФ Валерий Марков подчеркнул, что Национальная библиотека республики стала второй по счёту уездной библиотекой всей России. И организована она была раньше многих губернских библиотек.

Он поблагодарил действующих библиотекарей и ветеранов библиотечного дела за их бескорыстный труд.

— *Дай вам Бог хороших и благодарных читателей. И чтобы все, кто вокруг нас, всегда тянулись к книгам*, — пожелал сенатор.

Архиепископ Сыктывкарский и Коми-Зырянский Питирим подарил Национальной библиотеке очередное переиздание своих стихов. После чего наградил руководителя Национальной библиотеки Ольгу Мифтахову медалью Трех святителей Герасима, Питирима и Ионы.

— *Пусть их молитвами наша библиотека продолжает совершенствоваться*, — пожелал владыка.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО»

Басов Сергей Александрович, заведующий научно-методическим отделом библиотековедения Российской национальной библиотеки, кандидат педагогических наук, председатель редакционной коллегии

Госина Людмила Игоревна, ведущий научный сотрудник Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук, доктор филологических наук

Добрусина Светлана Александровна, директор Федерального центра консервации библиотечных фондов Российской национальной библиотеки, доктор технических наук

Жабко Елена Дмитриевна, заместитель генерального директора по информационным ресурсам Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, доктор педагогических наук

Леликова Наталья Константиновна, заведующая отделом библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки, доктор исторических наук

Лихоманов Антон Владимирович, советник генерального директора Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук

Михеева Галина Васильевна, ведущий научный сотрудник отдела истории библиотечного дела Российской национальной библиотеки, доктор педагогических наук

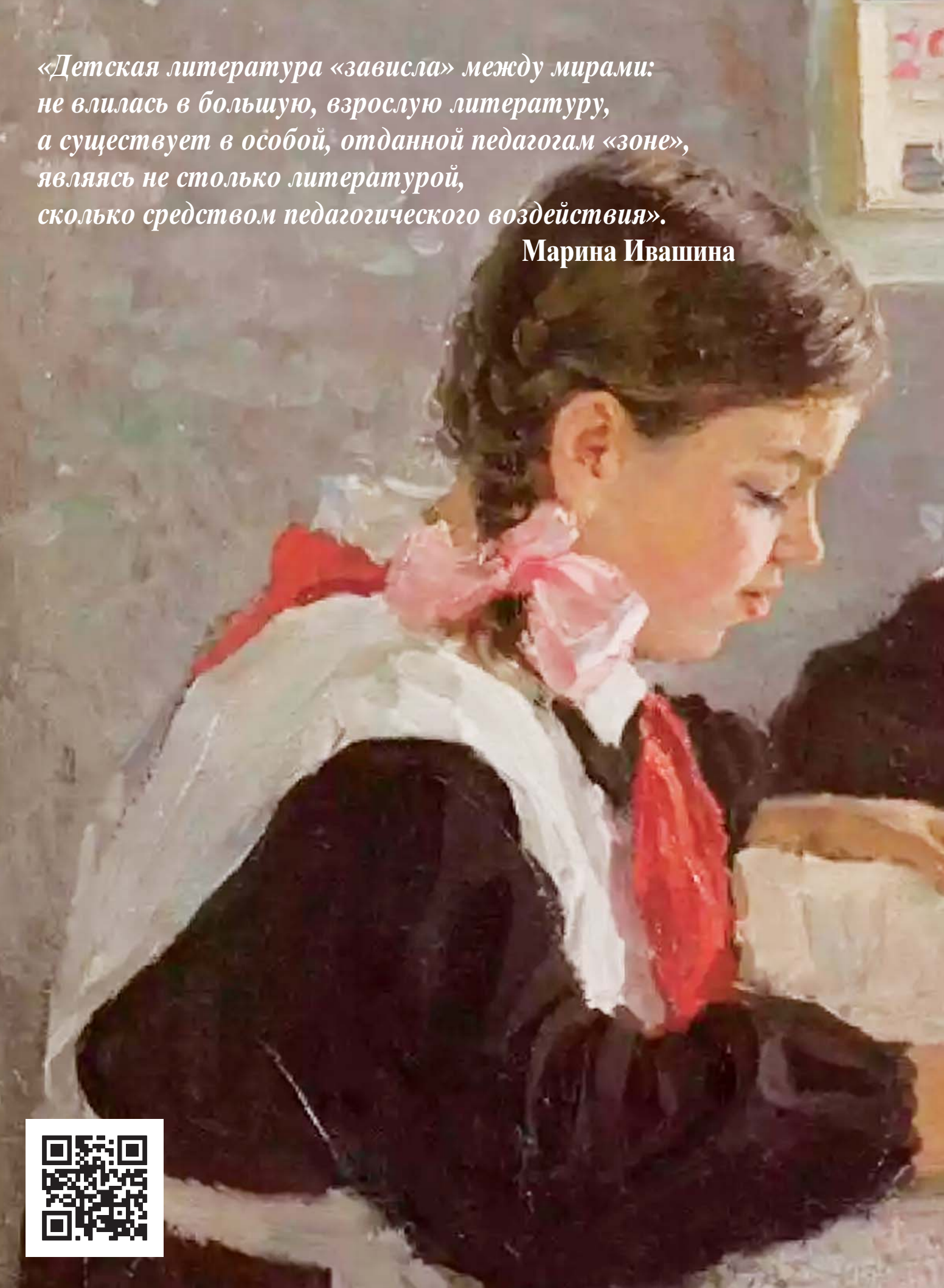
Николаев Николай Викторович, заведующий отделом редких книг Российской национальной библиотеки, доктор филологических наук

Соколов Аркадий Васильевич, доктор педагогических наук, профессор

Соколова Наталия Викторовна, директор Института корпоративных библиотечных информационных систем, кандидат технических наук

Черняк Мария Александровна, профессор кафедры новейшей русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук

Колесникова Марина Николаевна, заведующая кафедрой библиотековедения и теории чтения СПбГУКИ, доктор педагогических наук, профессор



«Детская литература «зависла» между мирами:
не влилась в большую, взрослую литературу,
а существует в особой, отданной педагогам «зоне»,
являясь не столько литературой,
сколько средством педагогического воздействия».

Марина Ивашина